

ФАКУЛЬТАТИВ ПО ЛЮБВИ

Иногда
самые важные
уроки —
о любви

НЕ ТРОГАТЬ.
ЭТО НА
ЗАВТРА

История государства и права

Теория государства и права

Английский язык

Гражданский кодекс

ОКСАНА ВОЛКОВА

Оксана Волкова

Факультатив по любви

«Автор»

2026

Волкова О.

Факультатив по любви / О. Волкова — «Автор», 2026

В первую ночь своей студенческой жизни в Москве Маргарита уходит гулять, а Кира остаётся в общежитии считать, на сколько дней хватит денег. Тогда никому из них и в голову не приходит, как далеко разойдутся их дороги. Одна соврёт, чтобы получить первую работу. Другая тайно выйдет замуж. Кто-то потеряет место в общежитии, кто-то — человека, которого считал своим, а кто-то однажды просто не придёт на пары. А общежитие будет жить своей жизнью: кастрюля «на десять минут», дым на весь этаж, чужие кружки, пирожки на всех и зачётки, выставленные в форточку ровно в полночь. Им кажется, что настоящая жизнь начнётся после института. Они ещё не знают, что самое важное происходит с ними прямо сейчас. Роман о студенческой жизни, дружбе и времени, которое кажется обычным, пока не становится самым дорогим воспоминанием.

© Волкова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Москва на двоих	5
Глава 2. Первый курс	15
Глава 3. Причал	25
Глава 4. Первая смена	32
Глава 5. Докладная	41
Глава 6. Первый секрет	50
Глава 7. Своя цена	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Оксана Волкова

Факультатив по любви

Глава 1. Москва на двоих

Ты не выбираешь, откуда ты пришла. Но ты выбираешь, куда идти.

В Москве первым делом за Кирину сумку без спроса взялся чужой мужчина. Подхватил клетчатые ручки раньше, чем она успела поставить на перрон коробку.

— Донесу.

Кира дёрнула сумку к себе.

— Не надо.

— Тяжёлая же.

— Поэтому и не надо.

Мужчина отпустил ручку без обиды и пошёл к следующему вагону.

Кира пересчитала вещи. Сумка, рюкзак, коробка, перевязанная бельевой верёвкой. Всё было на месте.

Только после этого она посмотрела на Москву.

Под стеклянной крышей ещё пахло поездом — нагретым железом, углём, чужими подушками. За навесом воздух оказался холодным и мокрым. Камень, бензин, что-то жжёно-сладкое от жаровни у выхода.

Маргарита стояла рядом и вертела головой.

За двое суток в одном вагоне Кира узнала про неё больше, чем обычно узнавала о людях за месяц: дома остались родители и младший брат, Москву Маргарита видела только в кино и заранее решила её полюбить.

— Ну всё. Приехали.

Сказала так, будто приехала домой.

Кира подняла сумку.

— Пошли.

Люди с платформы текли в одну сторону. Местных было видно сразу: у них не было клетчатых сумок, коробок на верёвке и привычки останавливаться перед каждым указателем.

Кира пошла со скоростью местных.

Маргарита догнала её у выхода.

— Ты куда так несёшься?

— В метро.

— Оно не убежит.

— А я не хочу выглядеть так, будто первый раз.

Маргарита посмотрела на её коробку.

— Коробка тебя выдаёт.

* * *

У автомата в метро Кира сначала постояла и посмотрела, как покупают билеты другие.

Маргарита взяла одну поездку.

Кира — сразу двадцать.

— Так выгоднее.

— Зато у меня сейчас денег сняли меньше.

— Рит.

— Что?

Кира уже считала остаток.

Маргарита засмеялась.

— Ты ещё воздух посчитай. Тут, наверное, тоже дороже.

Эскалатор уходил вниз так глубоко, что конца не было видно. Маргарита перегнулась через поручень.

Кира, не глядя, поймала её за рукав.

— Упадёшь.

— Я смотрю.

— Смотри вертикально.

В вагоне Кира держала коробку между ботинок и сверяла схему над дверью со своей — нарисованной от руки на тетрадном листе. Рисовала дома на кухне, пока мать гремела посудой и через плечо говорила: «Красной веткой не перепутай».

Напротив сидели две девушки их возраста с одинаковыми стаканами кофе.

Кира посмотрела на стаканы, потом на сапоги девушек и отвернулась.

Маргарита поймала её взгляд.

— Купим потом.

— Зачем?

— Кофе пить.

— Я знаю, зачем покупают кофе.

— По тебе не скажешь.

Кира отвернулась к схеме, но улыбнулась.

* * *

Общежитие она узнала раньше номера на табличке.

По окнам.

В одном вместо занавески висела простыня, в другом стоял цветок в банке, из третьего кто-то вытряхивал полотенце. На верёвке во дворе сушились джинсы, носки и розовый бюстгальтер.

— Вот она, взрослая жизнь, — сказала Маргарита.

— Особенно бюстгальтер.

За стеклянной дверью сидела вахтёрша в вязаной кофте и смотрела телевизор.

Маргаритину фамилию нашла сразу.

— Тебе вверх.

Маргарита взяла ключ и не ушла.

— А Кира?

— Какая Кира?

— Со мной.

Вахтёрша нашла Кирину фамилию, что-то отметила и подвинула второй ключ.

— Другая комната.

— Нет, мы вместе.

— Поздравляю.

— Мы хотели в одну комнату.

— А я хотела на море.

Маргарита моргнула.

— А поменять нельзя?

— Девочки, это общежитие, не гостиница. Куда распределили, туда и живёте. В одиннадцать дверь закрываю. С комендантом не спорить. Остальное узнаете.

На лестнице Маргарита остановилась.

— Ты чего молчишь?

— А что говорить?
— Мы же договаривались вместе.
— Мы не с ней договаривались.
— Я всё равно к тебе перееду.
— Сначала узнай, сколько у тебя кроватей.
— Если много, кого-нибудь выслем.
— Хорошее начало.

На этаже они разошлись в разные стороны.

* * *

У Киры было свободное место у окна.

Только матраса не было.

Она проверила оконную ручку, батарею, шкаф и полку. Матрас от этого не появился.

Кастелянша в подвале даже не удивилась.

— Нет.

— А спать где?

— Девушка, если я сейчас рожу вам матрас, я сама удивлюсь.

— Когда будут?

— Когда привезут.

На общей кухне на плите стояла кастрюля с крышкой, примотанной к ручкам скотчем.

На крышке — тетрадный лист: «НЕ ТРОГАТЬ. ЭТО НА ЗАВТРА».

Девушка у соседней конфорки, не переставая мешать макароны, сказала:

— В одной комнате вчера место освободилось. Матрас в коридоре стоял. Если не забрали — забирай.

Через минуту Кира уже тащила его по коридору.

Матрас оказался тяжелее, чем выглядел, и всё время пытался лечь поперёк прохода.

— Кир!

Маргарита подхватила его с другого конца.

— Откуда?

— Нашла.

— А можно?

— Уже.

На повороте они застряли. Маргарита начала смеяться, и чем сильнее старалась не шуметь, тем хуже получалось.

Из соседней двери высунулся парень.

— Боком попробуйте.

— Спасибо, — сказала Кира. — Мы думали через стену.

Матрас вошёл с третьего раза. Маргарита упала на него сверху.

— Всё. Я остаюсь здесь.

— Вставай. Он грязный.

— У тебя скучно.

— Ты здесь три минуты.

— Мне хватило.

* * *

Комната Маргариты была полной противоположностью.

Дверь стояла открытой. На подоконнике сидела высокая худая брюнетка с короткой стрижкой, в очках, и спорила с двумя парнями о чём-то своём. Невысокая полная девушка на кровати разбирала пакет с едой. У шкафа ещё одна раскладывала кофты стопками по цвету.

— Это Кира, — сказала Маргарита.

Полная девушка посмотрела на Киру.

— Мы поняли.
— Что поняли?
— Ты про неё уже пятый раз говоришь.
— Это Наташа. Это Люба. А это Света.
Света обернулась.
— Ты тоже с нами?
— Нет.
— А откуда?
Кира назвала город.
Света слегка протянула:
— А-а.
Кира уже знала это «а-а».
В дверь постучали.
— Открыто! — крикнула Наташа.
— Натах, чайник дашь?
— Вернёшь?
— Конечно.
— Тогда нет.
Парень всё равно взял чайник.
Наташа протянула помидор.
— Будете?
Маргарита взяла. Кира отказалась.
В коридоре она спросила:
— Они кто все?
— Не знаю. Когда я пришла, уже кто-то сидел. Потом ушли. Потом другие пришли.
— А Света?
— Нормальная.
Кира посмотрела на неё.
— Что? — спросила Маргарита.
— Ничего.
— Не понравилась?
— Я её только увидела.
— А тебе уже хватило.

* * *

Деньги они считали на подоконнике в конце коридора.
Сложили всё, что осталось после дороги. Маргарита высыпала сверху мелочь.
— До стипендии дотянем?
— Если не будем жить как ты.
— А как я живу?
— Ты ещё не начала. Я заранее боюсь.
— А давай всё равно общие.
— Мы теперь в разных комнатах.
— И что?
Кира посмотрела на две кучки.
— Общие. Только держу я.
— Конечно ты.
— И записываю.
— Конечно ты.

Кира открыла тетрадь. Записала общий остаток. Ниже — на сколько дней этого хватит, если не делать глупостей. Ещё ниже, отдельной строкой: «курица — три ужина». Мать Маргариты завернула её в фольгу и в два полотенца, и курица доехала почти тёплой.

Маргарита заглянула через плечо.

— Ты курицу посчитала?

— Она еда.

— Она мамина.

— Тем более.

— Если ты когда-нибудь выйдешь замуж, муж сбежит от твоей бухгалтерии.

— Зато не голодный.

Маргарита отвернулась к окну.

Внизу горели фонари, за домами — ещё что-то, большое и светлое, неизвестно что.

— Пошли туда.

— Куда?

— В город. На двадцать минут. До метро и обратно. Просто посмотреть, что там ночью.

— В одиннадцать дверь закрывают.

— Сейчас восемь.

— Мы не знаем, где мы.

— Вот и узнаем.

— Это две поездки.

— Пешком.

— Рит, мы в Москве пять часов.

— Вот именно. А сидим на подоконнике. Как дома.

Кира закрыла тетрадь.

— Завтра.

— Завтра у нас институт.

— Значит, послезавтра.

Маргарита подтянула колени к подбородку и ничего не сказала.

Из соседней мужской комнаты высунулся парень.

— Девчонки, соль есть?

— Нет, — одновременно сказали они.

— А когда её в макароны сыпать?

Маргарита посмотрела на Киру.

— После стирки носков.

Парень задумался, не понял и ушёл.

Кира впервые за день засмеялась громко. Маргарита — нет.

* * *

Через полчаса в дверь Кириной комнаты постучали.

— Новенькая? Мы лето провожаем. Заходи. И подругу бери.

Маргарита уже шла по коридору. Лицо у неё было такое, будто город пришёл к ней сам, раз она к нему не пошла.

— Я за тобой.

— Откуда знала?

— Не знала. У Наташи опять полно народу. Решила проверить, живёшь ли ты ещё.

Кира посмотрела на свою кровать, на тетрадь, на найденный матрас.

Потом пошла.

В комнате было тесно. Музыка играла с телефона, поставленного в пустую кастрюлю, — так громче. На столе огурцы, хлеб, магазинный торт, кружки с чаем.

Маргарита сходила к себе и вернулась со свёртком в фольге.

Кира поняла раньше, чем она развернула.

— Рит.

— Что?

— Это три ужина.

— Это курица.

— Мы её записали.

— Вычеркнешь.

Маргарита положила курицу на середину стола.

— Налетайте. Мамина.

На неё налетели.

Никто не спросил, сколько она стояла и на сколько дней её можно было растянуть. Через десять минут на фольге остались кости и чьи-то пальцы, вытирающие жир хлебом.

— Это лучшее, что я ел за неделю, — сказал парень с перочинным ножом.

— Ты здесь неделю?

— Поэтому и лучшее.

Маргарита сияла. Кира смотрела на фольгу.

В середине песни телефон внутри кастрюли зазвонил. Кастрюля задребезжала.

— Тихо! Мама!

Парень выхватил телефон и сразу сделался серьёзным.

— Мам, я в библиотеке.

Комната взорвалась. Ему пришлось выйти в коридор. Маргарита смеялась громче всех.

Кира тоже. Не хотела — и смеялась.

За вечер она узнала, где дешевле продукты, когда лучше идти в душ, чтобы была горячая вода, и где иногда ищут студентов на подработку.

— Опыт нужен, — сказала девушка с кухни.

— А у кого он есть? — спросила Кира.

— Ни у кого. Пишут, что работали дома. Никто не проверяет.

Кира запомнила.

Маргарита к этому времени сидела в середине компании. Кира — у стены.

— Ты чего молчишь? — спросил парень с ножом.

— Слушаю.

— Правильно. Тут все говорят, а слушать некому.

* * *

Потом кто-то решил фотографироваться. Все полезли в кадр.

После общего снимка Маргарита вытащила Киру в коридор к тёмному окну.

— Сними нас. Чтобы огни были.

За стеклом между домами светилась Москва — та самая, до которой они не дошли.

Получилось несколько кадров. На одном у Маргариты волосы упали на лицо, а Кира стояла в профиль. Из-за темноты не было видно ни облупленных стен, ни белья во дворе.

Будто они уже давно здесь жили.

— Вот, — сказала Маргарита. — Сходили в город.

Кира посмотрела на неё. Маргарита не улыбалась.

— Рит.

— Ладно. Я поняла. Тебе важно, чтобы получилось. Мне — чтобы было.

— Было же.

— Курица была.

Помолчали.

— Скинь мне, — сказала Кира.

Маргарита увеличила фотографию.

- Не удаляй.
- Зачем мне удалять?
- На выпускном такую же сделаем.
- Мы ещё первый день не пережили.
- Вот и сравним.

Кира отправила снимок Маше.

«Вот Москва».

Ответ пришёл почти сразу:

«Ого. Вы уже прям москвички. А общагу покажи».

Кира посмотрела на коридор: облупленная краска, таз у стены, чьи-то тапки возле двери.

«Завтра».

Из комнаты вывалились трое — парень с ножом, девушка с кухни и ещё кто-то в бейсболке.

— Мы до ларька и на пруд. Кто с нами?

Маргарита обернулась так быстро, что волосы хлестнули Киру по щеке.

— Мы!

— Половина одиннадцатого, — сказала Кира.

— Двадцать минут.

— Дверь в одиннадцать.

— Двадцать минут — это без двадцати.

— Ты не знаешь, где пруд.

— Они знают.

Парень с ножом уже натягивал кеды на босу ногу.

— Тут рядом. Три минуты, если не тормозить.

Маргарита смотрела на Киру. Не просила. Ждала.

Кира посмотрела на часы в телефоне. Потом на Маргариту — единственного человека в Москве, которому можно было бы позвонить, если что-то пойдёт не так.

— Я не пойду.

— Ладно.

Сказала легко. Слишком легко.

— Рит.

— Я сказала, ладно.

Они ушли. На лестнице Маргарита засмеялась чему-то, и смех ещё долго спускался вниз по пролётам, пока внизу не хлопнула дверь.

Кира осталась у тёмного окна одна.

Через стекло было видно, как четыре фигуры перебегают двор и одна, в светлой куртке, перепрыгивает лужу и машет рукой наверх.

Без пяти одиннадцать Маргарита не вернулась.

В одиннадцать вахтёрша выключила телевизор и задвинула щеколду. Кира слышала этот звук с третьего этажа — короткий, железный.

В пять минут двенадцатого пришло сообщение:

«Кир. Дверь».

Кира спустилась.

Вахтёрша сидела в кофте с журналом на коленях, будто ждала именно её. На маленьком телевизоре без звука кто-то выигрывал машину.

— Чего?

— Там моя подруга. Пять минут опоздала.

— Пять минут опоздала — значит, опоздала.

— Она первый день.

— Я тоже когда-то была первый день. И что?

За стеклянной дверью стояла Маргарита. Нос красный, в руках что-то в бумажном стакане. За ней переминались остальные трое.

Кира сказала то, что сказала бы мать:

— Если она на ночь останется на улице, а утром придёт с температурой, кто будет её лечить? Вы или я?

Вахтёрша посмотрела на неё поверх очков.

— Фамилия.

— Каверина.

— Не твоя. Её.

— Мельник, — сказала Кира. — Только не пишите. Первый раз.

Вахтёрша долго смотрела то на неё, то на дверь. Потом встала, сдвинула щеколду и, пока они проходили мимо, сказала Кире, а не им:

— Каверина. Я запомнила.

На лестнице Маргарита протянула ей стакан.

Кофе. Уже еле тёплый, с картонной крышкой.

— Это тебе.

— Откуда?

— Из ларька у метро. Ты в вагоне на них смотрела.

— Сколько?

— Не скажу.

— Рит, сколько?

— Кир. Это не из общих. Это мои. Пей.

Кира взяла стакан двумя руками. Пальцы у Маргариты были ледяные — пруд, видно, всё-таки нашли.

Кофе был плохой. Горький, с привкусом картона. Кира выпила его на ступеньках, пока Маргарита рассказывала про утку, которая не спала, про парня в бейсболке, который оказался с третьего курса, про огни на воде.

— Ты бы видела.

— Я видела. Из окна.

— Это не то.

— Знаю.

Маргарита толкнула её плечом.

— Спасибо, что спустилась.

— Ты бы стояла там до утра.

— Не стояла бы. Позвонила бы тебе ещё раз.

Кира поставила пустой стакан на ступеньку.

* * *

У себя Кира открыла тетрадь и зачеркнула строчку про курицу. Аккуратно, одной линией, чтобы было видно, что там было.

Свет выключили. С соседней кровати кто-то тихо спросил:

— Ты Кира?

— Да.

— Я Вера. Я рано встаю. Будильник не мешает?

— А если мешает?

Пауза.

— Тогда всё равно прозвенит.

Кира улыбнулась в темноте.

Из коридора донёлся смех. Где-то дальше заиграла гитара. Кто-то шикнул. Гитара стала тише.

Матрас пах чужим стиральным порошком и немного табаком. Кира перевернула подушку прохладной стороной, потом ещё раз. Дома за стенкой сопела Маша и тикали часы на кухне, которые отец третий год обещал выбросить. Здесь тикать было нечему.

Она открыла фотографию у окна. Маргарита с волосами на лице, сама Кира в профиль, огни.

Положила телефон экраном вниз.

* * *

Будильник Веры зазвонил в половине седьмого и звонил ровно столько, сколько обещал.

Когда Кира открыла глаза, Вера уже сидела на кровати одетая и держала над поллитровой банкой кипятильник, как градусник над больным.

— Чай будешь?

— А чайник?

— У Наташи. Он теперь у всех.

Вода в банке пошла пузырями. Вера вынула кипятильник, положила на блюдце и бросила в банку пакетик.

— Их же запрещают, — сказала Кира.

— Кого?

— Кипятильники. Вахтёрша говорила.

— Я его не включала, — сказала Вера. — Он сам.

Кира посмотрела на неё. Вера не улыбнулась, только уши порозовели.

— Попролам?

— Попролам.

Чай пили из одной банки по очереди, обжигая пальцы через рукава. Вера держала её за горлышко. Кира — двумя ладонями, как вчерашний кофе.

Перед институтом Кира зашла на кухню за водой.

Кастрюля стояла на том же месте. Скотч был срезан, крышка лежала рядом. Внутри — пусто и чисто, будто вымыли хлебом. Под «ЭТО НА ЗАВТРА» другим почерком было дописано: «ЗАВТРА УЖЕ НАСТУПИЛО».

Кира набрала воды, вернулась в комнату и задвинула свою гречку и банку тушёнки в самую глубину полки, за коробку.

Потом позвонила мать.

— Доехала?

— Доехала.

— Маша фотографию показала. Красиво у вас.

— Это коридор.

— Всё равно красиво. Ты поела?

— Поела.

— Кир... у нас до аванса ещё ждать. Отцу спецовку купить надо, старая вся в мазуте. Поможешь, если можешь?

Кира посмотрела на тетрадь.

— Помогу.

— У самой останется?

— Останется.

После звонка Кира открыла тетрадь и написала отдельной строкой: «Папе — спецовка». Рядом поставила знак вопроса. Деньги были общие. Вопрос был не к тетради.

В коридоре хлопнула дверь. Кира вышла с рюкзаком.

Маргарита стояла у лестницы со Светой и ещё двумя незнакомыми девушками. Волосы у неё были мокрые после душа — значит, в шесть встала, раз успела на горячую.

— Кир! Ты сейчас?

— Через несколько минут.

Света посмотрела на часы.

— Рит, пойдём. Девочки внизу ждут.

Маргарита задержалась на секунду.

Вчера она сказала: *на выпускном такую же сделаем*. Вчера Кира сказала: *завтра*.

— Я тогда с ними, ладно? Они через сквер пойдут, там пруд какой-то. Увидимся в институте.

— Рит. Подожди.

Маргарита остановилась на верхней ступеньке. Света вздохнула так, чтобы все слышали.

— Мама звонила. Отцу спецовку надо. Я хочу из общих отделить. Столько, сколько у нас дома на неделю продуктов уходит. Потом верну.

Маргарита посмотрела на неё так, будто Кира спросила разрешения дышать.

— Кир. Ты что, спрашиваешь?

— Деньги общие.

— Вот именно. Бери. И не записывай, что вернёшь.

— Запишу.

— Конечно ты.

— Рит, ну мы опоздаем, — сказала Света.

— Конечно.

Маргарита побежала вниз. Перед поворотом обернулась и показала два пальца — двадцать минут, или «пока», или просто так.

Кира осталась у двери своей комнаты.

Внизу хлопнула входная дверь.

Кира вернулась в комнату. Отсчитала из общих денег на спецовку, убрала в отдельный карман рюкзака. Рядом со знаком вопроса дописала: «Рита — бери». Зачеркнула вчерашний остаток, написала новый и пересчитала, на сколько дней хватит.

Дней стало заметно меньше. Обводить не стала.

Сунула тетрадь в рюкзак рядом с отложенными деньгами и снова вышла.

На крыльце остановилась. Налево была дорога к метро по её листку — короткая, проверенная. Направо, за домами, тот самый сквер, куда ушли девочки.

Кира достала схему, посмотрела на неё и повернула налево.

До института она впервые пошла без Маргариты.

Глава 2. Первый курс

В первый раз мы ещё не знаем, что из этого станет привычкой.

Кира увидела Маргариту раньше, чем своё имя.

Та стояла у двери деканата со Светой и ещё двумя девушками. Все четверо смеялись. Маргарита что-то рассказывала, размахивая руками; на носке одной кеды присохла бурая полоска глины — пруд вчера, видно, был ближе, чем казался. Света поправляла волосы, глядя в чёрный экран телефона, как в зеркало.

Кира подошла к спискам.

Листы приклеили скотчем прямо к двери. Перед ними толпились первокурсники и делали вид, что не толкаются.

Свою фамилию Кира нашла быстро.

Другая группа.

Маргарита уже протиснулась рядом.

— Ну?

Кира показала пальцем.

— Опять? — сказала Маргарита. — В общежитии отдельно. Теперь здесь отдельно.

— Зато привыкнем.

— Я не хочу привыкать.

Света заглянула через её плечо.

— Рит, ты со мной. Пойдём, наши уже аудиторию ищут.

«Наши» появились меньше часа назад.

— А поменяться можно? — спросила Маргарита.

У двери девушка с папкой повторяла каждому, как автоответчик:

— По группам не меняем. Нет, даже если вы родственники.

— Даже родственники, — сказала Кира. — У нас шансов нет.

Маргарита засмеялась.

— После пары у входа?

— У входа.

Света уже звала её из коридора. У развилки они разошлись.

На этот раз Маргарита не обернулась.

* * *

В аудитории Кира выбрала место в середине, ближе к проходу: видно доску, видно дверь, можно выйти, не поднимая весь ряд. На соседний стул положила сумку.

Через минуту рядом остановилась Вера. Сегодня она выглядела так, будто прожила здесь неделю: волосы собраны, тетрадь под мышкой, две ручки в руке. Про кипятильник, который включился сам, ни одна из них не вспомнила.

— Занято?

Кира посмотрела на сумку. На этом месте должна была сидеть Маргарита.

— Нет.

Вера села и разложила всё на столе ровно, параллельно краю.

— Я тебя утром не разбудила?

— Разбудила.

Вера замерла.

— Извини.

— Мне всё равно вставать было.

— Тогда хорошо.

— Не знаю.

Вера посмотрела на неё, не поняла, шутит Кира или нет, и только потом улыбнулась.

Преподаватель вошёл без журнала и положил телефон на кафедру экраном вниз.

— Первый курс отличается от школы одной неприятной вещью. Здесь никому не надо, чтобы вы учились.

В аудитории стало тише.

— Родителям надо. Вам, возможно, надо. Мне — нет. Я свою сессию давно сдал.

Кто-то сзади засмеялся.

Вера уже написала дату, название предмета и провела поля по линейке. Кира записывала только то, что могло иметь последствия: пропуски, допуски, семинары, сессия.

По рядам пустили лист с фамилиями.

Когда он дошёл до них, напротив нескольких отсутствующих уже стояли подписи. Одна — с завитушкой, как на открытке.

Вера задержала ручку.

— Это они заранее?

— Их нет.

— А подписи есть.

— Значит, очень ответственные.

Вера посмотрела на неё.

— Свою ставь, — сказала Кира.

К середине пары у Веры осталась одна ручка. Вторую попросил парень с соседнего ряда — «на минутку» — и минутка уехала с ним на другой конец аудитории. Ещё через двадцать минут девушка сзади тронула Веру за плечо:

— Есть чем писать?

Вера посмотрела на свою последнюю ручку. Потом на девушку.

— Есть, — сказала она и продолжила писать.

Девушка подождала. Вера писала.

Кира отвернулась к окну, чтобы не засмеяться в голос.

В конце пары преподаватель поднял лист и назвал фамилию с завитушкой.

Никто не ответил.

Он назвал ещё раз.

— Интересно. Человек отсутствует, а подпись присутствует. Причём с вензелем. Передайте автору моё восхищение. Со следующего раза переключка голосом.

Пол-аудитории засмеялось.

— Первый навык студента вы освоили раньше первой лекции. Поздравляю.

С задней парты кто-то с чувством сказал:

— Спасибо.

И тут же понял, что сказал это вслух.

* * *

У входа Кира простояла десять минут. Мимо прошли две группы, потом третья. Она успела прочитать объявление о донорах, о секции самбо и о том, что найден студенческий билет на имя Непомнящей, которую предлагают зайти в деканат лично.

Маргарита появилась со стороны лестницы и была уже не одна.

Рядом был парень — невысокий, быстрый, с рюкзаком на одном плече. Он что-то рассказывал, Маргарита смеялась.

— Кир! Иди сюда. Ты где была?

— У входа. Как договаривались.

— А мы через боковой вышли, там ближе. — Маргарита махнула рукой куда-то за угол, будто это всё объясняло. — Я тебе писала.

Кира посмотрела на телефон. Сообщение пришло три минуты назад: «мы у бокового». Она простояла у главного десять.

— Видела, — сказала она.

Парень повернулся.

— Виталик.

— Кира.

— Та самая?

— Какая?

— Из-за которой Рита утром хотела реформировать систему образования.

— Ничего я не хотела.

— Ты спросила, нельзя ли объединить две группы.

— Один раз.

— Потом предложила перевести Киру.

— Я предложила спросить.

— Память хорошая, — сказала Кира.

— Наконец-то меня оценили по достоинству.

К ним подошла Вера и остановилась чуть в стороне.

— Можно с вами?

— Конечно, — сказала Маргарита раньше остальных.

— Мы знакомы? — спросил Виталик.

— Нет.

— Отлично. Я Виталик.

— Вера.

— Всё. Теперь знакомы.

Света прошла мимо с двумя девушками.

— Рит, мы вниз.

— Я потом.

Света скользнула взглядом по Виталику, по Кире, по Вериным ручкам.

— Как хочешь.

— Я ей уже не понравился? — спросил Виталик.

— Она тебя ещё не знает.

— Значит, всё впереди. Пошли. Я нашёл кофе, который соответствует нашему социальному положению.

* * *

Автомат стоял в подвальном коридоре и выглядел так, будто поступил сюда раньше преподавателей.

Виталик нажал кнопку. В стакан полилась тонкая струя и остановилась, не дойдя до края.

— Видите? Даже автомат знает, что первокурснику много не положено.

Маргарита заглянула внутрь.

— Это вообще кофе?

— По документам — да.

Вера выбрала чай и дважды проверила, тот ли стакан забирает.

Кира осталась у стены. Рядом висело объявление: «Автомат сдачу не даёт. Не бейте его. Он тоже не виноват».

— Ты не будешь? — спросила Маргарита.

— Не хочу.

Она хотела. Но утром в тетради появилась строчка «Рита — бери», и всё, что не было необходимостью, теперь стояло в очереди за ней.

Виталик уже нажал кнопку ещё раз.

- Держи.
- Я сказала, не хочу.
- Тогда вылью.
- Сам выпей.
- После двух стаканов я говорю ещё больше.
- Это угроза?
- Медицинский факт.

Кира взяла стакан.

- Спасибо.
- Можешь не возвращать.
- Я и не собиралась.

Виталик секунду смотрел на неё. Потом засмеялся.

Они сели на широкий подоконник. Маргарита рассказывала, как утром попала не в ту аудиторию и полчаса конспектировала лекцию для третьего курса, пока её не спросили, с какой она кафедры. Виталик уверял, что в школе его звали адвокатом: он умел объяснить отсутствие домашней работы так, что виноватым оставался учебник.

- А тебя как называли? — спросила Маргарита у Веры.
- Вера.
- Всё?
- Мне хватало.

Виталик прыснул в стакан.

- Она мне нравится, — сказала Маргарита Кире.
- Я здесь, — сказала Вера.
- Тем более.

Виталик достал телефон.

— Мне расписание прислали. Только фотографировал человек, видимо, во время землетрясения.

Все наклонились к экрану.

- У меня завтра позже, — сразу сказала Маргарита.
- Нет, — сказала Кира. — Это другая группа.

Она забрала телефон, увеличила снимок и за минуту разобрала, кому куда.

— Всё, — сказал Виталик. — Берём её в компанию. У нас не было человека, который умеет читать таблицы.

- У вас компании десять минут назад не было.
- Любая великая организация когда-то начиналась.
- Обычно не в подвале.
- Лучшие — именно там.

Вера переписала расписание себе. Маргарита заглянула в её тетрадь.

- Напиши мне тоже. Я фотографию потеряю.
- Фотографию нельзя потерять.
- Я могу.

Вера переписала.

- Всё. Я тебя люблю, — сказала Маргарита.

Вера покраснела ушами.

- Не торопись.
- Поздно.
- А мне? — спросил Виталик.
- Нет. Ты в Кириной группе. Будешь смотреть у неё.
- Мы знакомы меньше часа, а ты уже контролируешь мою жизнь.

— Кто-то должен.

Засмеялись все.

* * *

После пар вышли во двор.

Под деревьями курили старшекурсники. Они выглядели так, будто в институте для них не существовало неизвестных кабинетов, неправильных расписаний и вопроса, куда деть руки.

Виталик подошёл к ближайшему.

— Извините, а где триста четырнадцатая?

Старшекурсник затянулся и посмотрел на него с сочувствием.

— Её нет.

— Как нет? У нас там завтра семинар.

— У всех там семинар. Её ищут с первого курса. Говорят, кто найдёт — сразу получает диплом.

— А серьёзно?

— Серьёзно — за библиотекой, через переход, второй этаж, потом опять вниз. Но лучше иди за кем-нибудь.

Виталик вернулся к ним.

— Я узнал главное. Мы здесь надолго.

Мимо прошли две девушки постарше. Одна говорила по телефону легко и уверенно, вторая несла кофе и даже не смотрела, куда идёт.

Кира посмотрела на свою куртку. Маргарита — на туфли одной из девушек. Виталик — на обеих.

— Даже не думай, — сказала Маргарита.

— Я изучаю старшие курсы.

— Очень внимательно.

— Я ответственный студент.

Из-под деревьев кто-то крикнул:

— Эй, красотка!

Кира обернулась.

— Хорошая погода.

Под деревьями грохнули. Кира отвернулась так резко, что рюкзак съехал с плеча. Маргарита ответила, не сбавляя шага:

— А вы Кузьмина любите?

Под деревьями на секунду замолчали, а потом смеялись уже над своим.

У входа Виталик достал из рюкзака пачку печенья.

— Знакомство надо отметить.

— Чем? — спросила Кира.

— Тем, что есть.

Он разломил печенье и раздал всем. Вера свой кусок завернула в салфетку.

— Ты чего? — спросил Виталик.

— Потом съем.

— Когда?

— Перед сном.

Виталик посмотрел на неё с уважением.

— Человек с планом.

Кира ничего не сказала. Верин кусок в салфетке почему-то выглядел не бедностью, а просто привычкой. Как её собственная тетрадь.

На секунду ей стало легко — так, будто она стоит не с людьми, которых встретила сегодня утром, а со своими.

Это ей понравилось.
И сразу насторожило.

* * *

В комнате Маргариты было шумно ещё до того, как они вошли.

Наташа сидела на кровати и чистила яблоко одной длинной кожурой. Люба лежала поперёк своей кровати с конспектом. Светы не было. У окна стояли двое незнакомых парней.

— А Света где? — спросила Маргарита.

— К Сергею, наверное, — сказала Люба, не отрываясь от конспекта.

— Какому Сергею?

Теперь Люба подняла глаза.

— Пятикурснику.

— Она его знает?

Наташа рассмеялась.

— Очень.

Один из парней у окна кашлянул, пряча улыбку.

— В смысле «очень»?

— Рит, — сказала Люба. — Ты второй день здесь. Не пытайся за вечер выучить всё общежитие.

В дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, вошёл парень из соседней комнаты.

— Девчонки, открывашка есть?

— Нет, — сказала Наташа.

— А нож?

— Нет.

— А чем открыть?

Люба наконец отложила конспект.

— Зубами. Вы же мужчины.

Парень посмотрел на банку и вышел. Через секунду из коридора донеслось:

— Андрей! У тебя зубы крепкие?

Маргарита сползла по стене от смеха.

Кира смотрела на неё. Вчера та собиралась переехать к ней. Сегодня сидела на своей кровати так, будто жила здесь давно.

* * *

На кухне кто-то варил макароны в огромной кастрюле. На холодильнике висел новый лист: «Кто взял синюю сковородку — верните. Мы знаем, кто вы». Ниже другим почерком: «Не знаете». Ещё ниже, третьим: «Уже знаем».

Из соседней мужской комнаты вышел парень с полотенцем на плече.

— Девчонки, соль когда кидать?

— Вы вчера уже спрашивали, — сказала Маргарита.

— Вчера не я.

— А макароны те же?

Он серьёзно задумался.

Кира прыснула.

— Смешно вам. Я дома вообще не готовил.

— А ел как?

— Мама готовила.

— Позвони маме.

— Звонил. Она сказала: «На глаз».

— Вот и кидай на глаз.

— А сколько это?

Маргарита посмотрела на Киру.

— Они не выживут.

Наташа прошла мимо с кружкой.

— Выживут. До сессии почти все доживают.

Парень подумал, взял солонку и, пока никто не успел остановить, посолил макароны прямо в пачке, ещё сухие. Потряс, как маракас.

— Вот. Теперь на глаз.

Маргарита закрыла лицо руками. Наташа ушла, не оборачиваясь, и уже из коридора сказала:

— Я этого не видела. Я свидетелем не пойду.

* * *

Ужинали втроем на подоконнике в конце коридора, из одной кастрюли. Вера принесла свою ложку, завернутую в бумажную салфетку, и ела аккуратно, только со своего края.

Кира достала из глубины полки гречку и тушёнку — всё было на месте, за коробкой. Маргарита принесла ложку и хлеб, Наташа заглянула на запах и ушла с полной кружкой.

— Это что, налог? — спросила Маргарита.

— Это Наташа, — сказала Люба из дверей. — Налог был бы больше.

Маргарита ела быстро и много говорила: про пруд, где утка не спала и смотрела на них, как вахтёрша; про Свету, которая на всех лекциях садится у окна, чтобы свет падал правильно; про то, что у них в группе есть двое с одинаковыми фамилиями, и преподаватель уже дважды спросил, не муж ли с женой.

— У вас интереснее, — сказала Кира.

— У вас Виталик.

— Виталик всё время у вас.

— Вот видишь. Значит, у нас интереснее.

Кира соскребла остатки со дна.

— Рит. Я тебе за спецовку верну. С первых денег.

Маргарита положила ложку.

— Кир. Ты опять?

— Я записала.

— Ты мне не должна.

— Должна. Поэтому записала.

Маргарита посмотрела на неё долго, как на задачу, у которой нет ответа в конце учебника.

— Ты даже дружить умеешь только по тетрадке.

Сказала без злости. Почти весело. Вера смотрела в окно так внимательно, будто там шёл урок.

Кира кивнула и понесла кастрюлю мыть.

* * *

Кира вернулась к себе. Вера уже сидела за столом и переписывала расписание на отдельный лист.

— Ты его зачем второй раз пишешь?

— Первый в тетради. Этот на стену.

— А если поменяют?

Вера остановилась.

— Поменяют?

— Наверняка.

Вера посмотрела на аккуратно расчерченный лист.

— Тогда перепишу.

— Ты всегда такая?

— Какая?

— Готовая.

Вера подумала.

— Нет. Просто мне спокойнее, когда записано.

Кира посмотрела на свою тетрадь в сумке.

— Мне тоже.

Вера улыбнулась.

* * *

Вечером Маргарита пришла сама. Без стука открыла дверь, села на Кирину кровать.

— У Светы пятикурсник.

— Уже?

— Оказывается, не уже. Они познакомились раньше. Или она врёт. Я пока не поняла.

Вера подняла глаза от тетради.

— Ой. Привет, — сказала Маргарита. — Я ненадолго.

— Я ничего не сказала.

— Но подумала.

— Нет.

— Тогда научишься.

Кира усмехнулась.

— Ты зачем пришла?

— В пятницу зовут на день рождения. Виталик сказал.

— Он и мне сказал.

— Значит, идём.

— Я работу хотела искать.

— Работу найдёшь.

— Когда?

— Потом.

Для Маргариты «потом» было местом, куда помещалось всё неприятное. У Киры такого места не было.

— Посмотрим.

— Это твоё «да».

— Это моё «посмотрим».

— Всё равно пойдёшь.

Маргарита убежала обратно к себе.

Вера достала из тумбочки салфетку, развернула её и съела свой кусок печенья. Медленно, в два укуса, ровно перед сном, как обещала.

— Я бы пошла, — сказала она.

— Я не спрашивала.

— Знаю.

— Тогда зачем говоришь?

— Чтобы ты знала.

Кира вспомнила, как утром Вера поставила подпись только в своей строке.

— Очень полезно.

— Пожалуйста.

* * *

Перед сном пришло сообщение от Маши:

«Ну? Общагу покажи. Ты обещала».

Кира вышла в коридор. Облупленная краска, таз у стены, на верёвке над батареей чьи-то колготки. Она подняла телефон, посмотрела на экран и опустила.

Внизу, у входа, была широкая лестница с перилами и большим окном на площадке. Днём её помыли, и она ещё блестела.

Кира спустилась вниз и сфотографировала лестницу. Окно, перила, свет фонаря.

«Вот».

«Ого. А говорили, общаги страшные».

«Врут».

Вахтёрша внизу подняла голову на звук шагов.

— Каверина. Фотограф.

— Я на минуту.

— Все на минуту.

Кира поднялась обратно мимо колготок.

* * *

Когда в комнате стало тихо, Кира достала тетрадь.

На странице с расходами стояло «Рита — бери». Ниже — остаток, который утром стал меньше. Кофе в этой тетради не было: кофе был чужой.

Она перевернула страницу и сверху написала:

Работа.

Подчеркнула.

Деньги ещё не закончились. Но ей нужно было своё. Не общее. Не присланное из дома. Не протянутое Виталиком в пластиковом стаканчике.

Она стала искать вакансии, которые можно совместить с учёбой.

Промоутеры. Официанты. Продавцы. Кофейни. Почти везде хотели человека, который уже что-то умеет.

Кира открыла объявление кофейни.

Удобные смены. Можно студентам. Опыт желателен.

Она перечитала последнюю строчку.

Вчера на кухне ей сказали: все пишут, что работали дома. Никто не проверяет.

Кира открыла анкету.

Имя. Телефон. Учёба. Опыт работы.

На последнем поле остановилась.

Из коридора донеслась гитара. Кто-то запел первую строчку, сбился и начал снова.

— Они каждый вечер будут? — спросила Вера с кровати.

— Кто?

— Петь.

— Не знаю.

— Надеюсь, научатся.

Палец всё ещё лежал над пустым полем. Экран погас. Кира тронула его, и он загорелся снова — с тем же пустым полем, будто ждал её отдельно от всех.

Можно было закрыть анкету. Можно было завтра пойти в другое место. Можно было написать правду и ждать, что позовут.

Кира набрала название кафе в своём городе. Кафе, которого не было.

Потом должность. Потом срок — без точных дат.

Перечитала.

Выглядело обычно. Настолько обычно, что почти перестало быть ложью.

Почти.

В дверь заглянула Маргарита.

— Ты чего не спишь?

Кира накрыла экран ладонью.

— Ничего.

— В пятницу идём?

— Ты специально пришла ещё раз?

— Я хочу услышать «да».

— Не услышишь.

— Тогда завтра.

Маргарита исчезла. Через минуту телефон Киры коротко дрогнул:

«И у входа завтра ждём у бокового. Он правда ближе».

Кира ответила: «Знаю. Я тоже уже знаю».

Подумала и стёрла второе предложение. Отправила одно: «Знаю».

— Нстойчивая, — сказала Вера.

— Ты ещё Наташу не видела.

— Видела утром. Она у нас кружку просила.

— Вернула?

Вера помолчала.

— Нет.

Кира засмеялась. Потом снова посмотрела на анкету.

Внизу экрана была кнопка.

Кира нажала «отправить».

Глава 3. Причал

Чужая жизнь всегда выглядит легче, пока не узнаешь, сколько она стоит.

Сообщение пришло на второй паре, и Кира увидела его не сразу: телефон лежал экраном вниз, потому что за телефон на парте преподаватель обещал выгонять без разговоров. В перерыве она перевернула его.

«Здравствуйте. По вашей анкете. Можете подойти познакомиться? Сегодня до семи или завтра с двенадцати. Наталья, „Кофейня на Соколе“».

Кира перечитала три раза, будто буквы могли передумать.

Первая мысль была не радость и не страх, а короткая, почти техническая: поверили.

Анкету она заполнила вечером и легла спать, как будто бросила монету в подвальный автомат: налёт или нет, а ты уже отошёл. Автомат налил.

Мимо шли люди, кто-то задел её плечом и не извинился. В анкете стоял год работы официанткой в кафе, которого не было. Наталья звала знакомиться именно с этой Кирой — с той, у которой год за плечами. И теперь две Киры должны были прийти на Сокол в одной куртке и говорить одним ртом.

Под тревогой шевельнулось что-то тёплое и стыдное. Не за ложь. За то, что получилось. Три дня в Москве — и огромный равнодушный город уже ответил.

Кира набрала: «Подойду сегодня к шести». Стёрла «к шести». Подумала. Вернула. Отправила.

* * *

Компания сидела на вчерашнем подоконнике в подвале. Виталик держал два стакана из автомата и один протянул Вере, а Вера отдала ему взамен половину бутерброда в салфетке. У них уже завёлся свой обмен, за один день.

— О, пропавшая, — сказал Виталик. — Мы решили, что тебя увели в секту второкурсники. Говорят, у них за вступление дают талон в столовую.

— Меня на работу зовут.

Слово «работа» прозвучало по-взрослому и как будто про кого-то другого.

— Уже? — Маргарита села рядом. — Ты когда успела? Ты же вчера только «Работа» подчеркнула.

— Откуда ты знаешь?

— Ты подчёркиваешь так, что слышно через стенку.

— Анкету кинула. В кофейню. Сегодня иду знакомиться.

— Завтра же пятница, день рождения. У экономистов. Ты обещала.

— Я сказала «посмотрим».

— Это и было «да».

— Это было «посмотрим».

— У тебя всё «посмотрим», — сказала Маргарита, и в голосе впервые за три дня не было смеха. — А потом всегда выходит, как ты решила. Ты хоть иногда просто пойди, куда все.

Кира промолчала.

— Мне работа нужна. Не «просто пойди».

— А мне ты нужна там завтра. Это не считается?

Виталик поднял руки.

— Я Швейцария. У меня нейтралитет и шоколад. Шоколада, правда, нет.

Никто не засмеялся. Вера сказала, не поднимая головы от бутерброда:

— Работа не ждёт. А день рождения будет и в следующий раз.

Маргарита посмотрела на неё.

— Ну спасибо. Вы что, сговорились быть взрослыми?

Она встала, потянула Виталика за рукав и через минуту уже смеялась чему-то в другом конце коридора. Обида у неё проходила быстрее, чем Кира успевала её заметить. Кира так не умела. Кира обдумывала.

— Спасибо, — сказала она Вере.

— Я не за тебя, — сказала Вера. — Я за работу. Если бы ты шла на день рождения, а Рита на работу, я бы сказала то же самое ей.

— А если бы обе на день рождения?

Вера подумала.

— Тогда я бы пошла с вами. Но села бы у двери.

* * *

Между парами было окно, и Вера потащила всех в библиотеку за учебниками.

За стойкой сидела женщина в шали, с таким лицом, будто окно между парами было лично у неё и они его отнимали.

— По студенческому.

— У нас ещё нет студенческих, — сказал Виталик. — Сказали, через две недели.

— Значит, и учебников у вас ещё нет. Через две недели.

— А учиться?

— Учиться можно и без учебников. Вот вы, молодой человек, сейчас учитесь. Тому, что сначала документы.

Виталик развернулся к остальным.

— Я впервые проиграл спор за восемь секунд.

— Семь, — сказала Вера. — Я считала.

Библиотекарша, не поднимая глаз, подвинула к ним листок.

— Фамилии. Запишу в очередь. Кто записан, тот первый.

Вера записалась первой. Кира — второй. Виталик посмотрел на листок, вздохнул и вписал Маргариту, которая уже ушла.

— Она мне потом спасибо скажет.

— Не скажет, — сказала Кира.

— Тогда я ей скажу. Что записал.

* * *

После пар Маргарита пошла с Виталиком и какими-то людьми из своей группы гулять по центру — просто посмотреть, без денег, как ходят в первую неделю, когда сам город ещё аттракцион.

— Ты точно не с нами? — спросила она на лестнице.

— Точно.

— Тогда вечером зайди. Люба говорит, гитара будет. И соседи опять придут.

— Если вернусь не поздно.

Маргарита хотела сказать что-то ещё, но Виталик крикнул снизу:

— Рит, Москва без тебя уже началась!

— Видишь? Нельзя оставлять.

Она сбегала на две ступеньки, вернулась и быстро обняла Киру одной рукой, неловко, через сумку.

— Удачи. Скажи им там, что ты лучшая. Ты же у нас лучшая во всём, что скучно.

И убежала уже совсем.

Раньше Маргарита звала её с собой. Теперь сообщала, куда идёт.

Сначала Кира забежала в общежитие переодеться.

Переодеваться было не во что, кроме единственной светлой блузки, которая за двое суток в сумке превратилась в карту местности. Утюг на этаже был один. Он жил в гладильной комнате на столе и был прикручен к столу проволокой — за ручку, как собака на цепи. Рядом висела бумажка: «Утюг не выносить. Утюг этажа. Он всё помнит».

Перед утюгом стояла очередь из одного человека — парня с соседнего этажа. Он гладил галстук. Медленно, с таким лицом, будто разминировал.

— Ты долго? — спросила Кира.

— Я первый раз.

— Галстук?

— Всё. Вообще. — Он поднял галстук, на котором отпечатался треугольник подошвы. — Мама сказала: на собеседование только в галстук. Я сказал, что это курьером. Она сказала: тем более.

— Давай я.

Кира отобрала у него галстук, сбрызнула водой из чашки, накрыла носовым платком и прошла один раз. Треугольник побледнел.

— Ты где научилась?

— Дома. У нас один утюг на четверых.

— А у нас — один на этаж, — сказал парень и поклонился утюгу. — Спасибо.

Пока Кира гладила блузку, утюг дважды щёлкнул и пах чем-то сладким и горелым, как жаровня на вокзале.

В комнате Вера сидела над конспектом. Увидела блузку и подняла брови.

— Собеседование, — сказала Кира.

— Удачи. — Вера кивнула на окно. — Возьми мой зонт. Обещали дождь.

— Не будет дождя. Небо чистое.

— Обещали.

— Мне ещё с зонтом там стоять. Как с котомкой.

Вера пожала плечами и не стала спорить. Зонт остался висеть на спинке её кровати, сложенный аккуратно, по складкам.

Ехать было далеко, с пересадкой. У турникета Кира мысленно сняла с карточки две поездки — туда и обратно, чтобы наврать про год работы. Если возьмут, окупится с первой смены. Если нет — две поездки в никуда. Она подумала об этом один раз и больше себе не разрешила: если считать каждый такой шаг, никуда не двинешься.

В вагоне она открыла тетрадь на странице «Работа» и написала мелко, в столбик:

«Причал. Касса справа от входа. Окно на автобусы. Тётя Люда. Компот в графине. Картошка, пельмени, солянка. Суббота — заводские банкеты».

Перечитала. Получалось, что она знает про «Причал» больше, чем про собственный институт.

Напротив сидела женщина и читала через Кирино плечо. Кира закрыла тетрадь.

* * *

На Соколе Кира вышла не в тот выход и пять минут шла в другую сторону, мимо старых домов с высокими окнами, где на подоконниках стояли не банки с цветами, а лампы с абажурами. Женщина вела на поводке таксу в вязаном свитере. У таксы свитер был лучше Кириной куртки.

Кира развернулась и пошла обратно, теперь — со скоростью местных.

Кофейня оказалась маленькой, на первом этаже жилого дома: три столика, стойка, живые цветы в жестянке из-под чая. Пахло молотым зерном и корицей. Из тех мест, где хозяйка сама вытирает столы.

За стойкой стояла женщина лет сорока в фартуке поверх свитера. Свитер Кира оценила сразу, привычно, как оценивала всё: он был из другой жизни, а фартук — из этой. Это было первое, что не сходилось.

— Кира? Наталья. Садись. Кофе будешь? За знакомство не считается.

Кофе Кира взяла, потому что отказаться было бы странно. Это был первый кофе в Москве, за который не надо было чувствовать себя должной, — его давали, а не угощали. С рисунком на пенке, каких Кира вблизи не видела, только на витринах.

— Ну рассказывай. — Наталья села напротив, локти на стол. — В анкете у тебя название такое, что я ничего не нашла. Где работала?

Всю дорогу в метро Кира готовила ответ, и всё равно в груди стало тесно, а пальцы под столом сжали край юбки.

Дома у автовокзала было кафе «Причал», куда они с девчонками ходили после школы на одну порцию картошки на всех. Кира там не работала ни дня. Но знала там всё: где касса, как несут заказы, что бывает, когда подходит автобус и разом вваливаются пятнадцать человек. Знала, что тётя Люда у кассы всё видит и всё помнит. Полдесятого класса она гоняла их за то, что занимают столик задёшево, — и полдесятого класса они возвращались, потому что больше идти было некуда, а у тёти Люды было тепло и работал телевизор.

— «Причал», — сказала Кира. — В анкете я, видно, напутала. У нас в городе, у автовокзала. Год официанткой. Проходной поток, автобусы, все спешат.

Голос не дрогнул. Это было самое неприятное.

Мать всегда узнавала её враньё по глазам, и Кира ждала, что и здесь сейчас прищурятся. Наталья не прищурилась. Она кивнула и отпила свой кофе.

— Проходной поток — хорошо. У нас свои, постоянные, но с утра перед работой все разом. А почему ушла?

— Уехала. Поступить.

— Учишься где?

— Первый курс.

— Совмещать тяжело будет.

— Я привыкла, — сказала Кира. Это было правдой, и среди лжи от одной правды стало чуть легче.

— Кофе варила?

— У нас был растворимый, — сказала Кира. Это тоже была правда. — Большая банка у кассы, тётя Люда сама сыпала ложкой. И чай в пакетиках.

Наталья засмеялась.

— Значит, учить с нуля. Это даже лучше. Переучивать хуже.

— Расписание есть?

Кира достала листок, снятый утром со стены. Вера переписала его ещё вчера, ровным почерком, с полями, и подчеркнула окна красной ручкой.

Наталья повертела листок.

— Вот это я понимаю. Сама чертила?

— Соседка.

— Хорошая соседка. Держись за неё. — Наталья сфотографировала листок телефоном и вернула. — Вторник и четверг вечером, суббота днём. Потом посмотрим.

— Ладно. По делу. Клиент говорит: я не это заказывал. А по чеку — всё как он назвал. Твои действия?

Кира увидела «Причал» в час пик и вечного дядьку у окна, который всегда говорил, что ему принесли не то, и всегда съедал.

— Забрать и переделать. Спорить у стойки — терять остальных. Одна лишняя чашка дешевле очереди, которая увидела скандал и ушла. Чек потом, без клиента.

Наталья посмотрела на неё внимательнее.

— Половина взрослых этого не понимает.

Наталья рассказала про смены: платят раз в неделю, наличными, можно ставить часы под пары, если приносить расписание заранее. Кира быстро перевела услышанное в своё: за неделю — почти столько, сколько дома мать оставляла на продукты. За месяц — вернуть Рите и ещё останется.

Ложь прошла второй раз. Второй оказался легче первого. Кира поймала себя на том, что уже прикидывает, что достроит, если спросят про кассу или чаевые, — и это «уже прикидывает» было хуже самой лжи.

Дверь звякнула. Вошёл старик с газетой, кивнул Наталье, сел у окна.

— Как всегда, — сказал он.

Наталья поставила перед ним чашку. Чай.

— Я просил как всегда.

— Как всегда с сентября. Вам врач сказал.

— Врач не платит.

— Зато вы платите врачу. Пейте.

Старик проворчал что-то в газету и стал пить чай. Наталья вернулась к Кире так, будто ничего не случилось.

Дверь звякнула снова. Вошла девушка — ровесница или чуть старше, — села за дальний столик, положила телефон и ключи от машины с брелоком, который Кира тоже оценила сразу. Не глядя в витрину, попросила «вон тот» кусок торта. Откусила, чуть поморщилась, отодвинула блюдце на середину стола и забыла про него.

Кира машинально прикинула, на сколько дней еды хватило бы этого куска, и разозлилась на свою привычку переводить всё в дни.

Ей захотелось однажды тоже вот так отодвинуть тарелку. И вечером ничего не записывать в тетрадь.

Щекам стало горячо. Кира уставилась в свою чашку, где остывал рисунок на пенке.

Официантка в таком же фартуке, какой обещали Кире, забрала откушенный торт вместе с блюдцем привычно, не поморщившись. Завтра такие куски будет уносить Кира.

* * *

— Выходи завтра после учёбы на пробную, — сказала Наталья. — Вечером у нас людно, вот и посмотрим тебя в деле. Фартук дам свой пока.

— Хорошо.

Наталья пошла к стойке и обернулась, будто вспомнила ерунду.

— И рекомендацию с прошлого места. Не бумагу — просто телефон, кому позвонить. У нас касса, живые деньги, я должна человека понимать. Мне тут одна девочка полгода назад... неважно. Дашь номер — я сама наберу, минута.

— Найду, принесу.

— Вот и славно. И зонт бери, вон собирается.

Кира держала пустую чашку. Наталья уже отвернулась к кофемашине.

Телефона «Причала», по которому подтвердят, что Каверина у них работала, не существовало.

На улице стемнело и шёл мелкий московский дождь, тот самый, из её первого дня, с запахом мокрого камня. Зонт висел в общежитии на спинке Вериной кровати, сложенный по складкам. Кира застегнула куртку до горла и пошла к метро. Блузка под курткой промокла на плечах, и уют этажа ничего не помнил.

Через два дома, в витрине закусочной, светилась бумажка под скотчем: «Требуется посудомойка. Опыт не нужен. Ночные смены».

Кира остановилась. Опыт не нужен. Никого не надо обманывать, никому не надо звонить. Только ночью. А в девять утра — пара, переключка голосом и преподаватель, которому не надо, чтобы она училась.

Дождь стекал по бумажке, и буквы в слове «ночные» расплылись.

Из закуской вышел мужчина в мокром фартуке, вытряхнул в урну окурки из банки и посмотрел на Киру.

— На посудомойку?

— Нет. Я днём учусь.

— Все днём учатся, — сказал он и ушёл обратно.

Кира постояла ещё немного. Потом пошла к метро, и до самого турникета ей казалось, что от неё пахнет не дождём, а корицей с Сокола.

* * *

На платформе пришла фотография от Маргариты: она, Виталик и ещё несколько человек у яркой витрины. Света с краю смотрела не в камеру, а поверх чужих голов.

«У нас вечером опять все собираются. Наташа сказала, если не придёшь, курицу больше не заслуживаешь».

Кира улыбнулась. Курицы больше не было, и Наташа это знала.

Следом пришла ещё одна: шаурма, одна на троих, и три руки к ней. Маргаритина — ближе всех.

За несколько дней у Маргариты уже появилось «у нас». У Киры пока были комната, Вера, тетрадь и работа, которой ещё не было.

В вагоне она набрала в поиске «Причал» и название своего города. Нашлось. Был номер.

По этому номеру сидела за кассой тётя Люда — громкая, с крашеными волосами, которая гоняла школьников с одной картошкой на час и которая однажды, в июне, когда Кире стало плохо на жаре прямо у кассы, усадила её у вентилятора, вынесла стакан воды с сахаром и сказала: «Сиди уж, горе». Денег за воду не взяла. Потом весь вечер делала вид, что не смотрит, а сама смотрела.

Кира открыла тетрадь. Под столбиком про «Причал» написала: «Рекомендация —». Дальше места было много.

Раскладка была простая. Дать номер Наталье — тётя Люда скажет правду, и всё кончится, не начавшись. Не дать — Наталья не возьмёт. Оставался третий путь: позвонить самой и попросить тётю Люду сказать неправду.

Кира поймала себя на этой мысли уже на середине. Не отбросила — прикидывала, каким голосом просить.

До сих пор она врала только за себя. Теперь ей нужен был чужой голос. Тёти Люды, с её стаканом воды с сахаром.

Маргарита прислала ещё: «Жаль тебя не было».

Кира набрала: «Завтра всё расскажу».

Посмотрела на слово «всё». Стёрла его.

Отправила: «Завтра расскажу».

В тёмном стекле напротив отражалась девушка с телефоном — обычная, в куртке позапрошлого года, каких в вагоне ехало ещё десять.

Поезд подошёл к её станции. Двери открылись, впустили холод и толпу, закрылись.

Кира не встала. Ладонь, в которой она держала телефон, была мокрой — то ли от дождя, то ли нет.

Она проехала свою станцию — впервые в Москве, специально, чтобы хватило времени, — и нажала на номер, ещё не решив до конца, что скажет.

Пошли гудки. Долгие, междугородние, с той особой пустотой, какая бывает только на линии из дома.

— «Причал», слушаю.

Голос был громкий, домашний. За ним звякнули тарелки, где-то сказали «солянка на третий», и Кира почти увидела окно на автобусы и телевизор под потолком. От этого голоса вдруг захотелось не врать, а попроситься домой.

Кира сглотнула.

— Здравствуйте, тетя Люд. Это Кира. Каверина. Помните, я у вас всё время сидела... Мне очень надо вас попросить. Только вы не бросайте трубку, ладно?

Глава 4. Первая смена

Иногда первый заработок начинается с долга, который нельзя записать в тетрадь.

— Ты чего хочешь-то? — спросила тётя Люда.

Кира сидела в метро на одну станцию дальше своей и смотрела в тёмное окно.

— Мне на работу надо устроиться.

— Ну устраивайся.

— Я уже почти.

— Кира, я кассу закрываю. Говори нормально.

Кира закрыла глаза.

— Я сказала, что у вас работала.

На том конце стало тихо. Потом звякнула посуда.

— Где работала?

— В «Причале».

— У нас?

— Да.

— Ты?

— Да.

Тётя Люда коротко засмеялась.

— И что теперь?

— Хозяйка кофейни может позвонить. Спросить про меня.

— А я должна сказать, что ты тут работала?

— Да.

— А ты тут работала?

— Нет.

— Тогда чего ты от меня хочешь?

Двери закрылись. Поезд тронулся.

— Чтобы сказали, что работала.

Тётя Люда выдохнула.

— Господи. Москва у вас там совсем мозги ест?

— Тётъ Люд. Мне правда надо.

— Всем надо. Официанткой хоть умеешь?

— Научусь.

— Сидеть у нас с одной картошкой и работать — разные профессии.

Кира сжала телефон.

— Тогда скажите ей правду.

— Стой. Как зовут эту женщину?

— Наталья.

— Если Наталья позвонит, я скажу, что ты помогала летом.

— Я не помогала.

— Ты просила соврать. Я выбираю размер вранья сама.

Кира впервые за весь разговор улыбнулась.

— Спасибо.

— Не спасибо. Если возьмут — не позорь меня. И если поднос уронишь, не говори, что я тебя учила.

— Не скажу.

— Вот теперь езжай домой.

Кира посмотрела на табло над дверью. Дом был уже две станции назад.

В общежитии у Маргариты горел свет и играла гитара. Кира постучала и вошла. На подоконнике сидели двое соседей, Люба выбирала, кому из них сегодня разрешено петь, Наташа резала батон на тонкие, как бумага, ломти — чтобы хватило всем.

— Ну? — Маргарита соскочила с кровати. — Ну?!

— Взяли. На пробную.

— Я знала! Как ты им понравилась?

Кира сняла мокрую куртку и повесила на спинку стула.

— Рассказала про опыт.

— Какой у тебя опыт?

— Дома.

Маргарита уже не слушала — кричала Наташе, чтобы та отрезала Кире ломоть «потолще, она теперь работающая». Наташа отрезала ровно такой же, как всем.

— Работающие у нас едят как все, — сказала она. — Иначе развращаются.

Кира съела свой ломоть, послушала, как Любин избранник фальшивит во втором куплете, и ушла раньше всех.

Ночью, когда Вера уснула, она отправила Наталье номер «Причала» и подпись: «Людмила, администратор». Слово «администратор» придумала сама, на ходу. Оно легло так же легко, как год работы.

* * *

Утром Наталья позвонила сама.

Кира стояла перед зеркалом в общей умывальной и собирала волосы. За спиной двое из соседней комнаты спорили, чья очередь на душ, и по очереди стучали в дверь кабинки, откуда кто-то пел.

— Я поговорила с Людмилой.

Резинка выскользнула из пальцев.

— И?

— Сказала, ты помогала у них летом. Не официанткой полный день, но в зале крутилась. Кира молчала.

— Вчера ты сказала «год официанткой».

— Я преувеличила.

— Это я поняла. Ещё она сказала, что администраторов у неё никогда не было. Она сама и кассир, и администратор, и уборщица, и мать родная. Мне нужен человек на вечер, не биография. Сегодня справишься — останешься. Не справишься — нет.

— Приду.

— И больше не сочиняй мне стаж.

Наталья отключилась.

Кира подняла резинку с мокрого кафеля, вытерла о полотенце и собрала волосы заново. Из кабинки всё ещё пели — одну и ту же строчку, как будто дальше слов не знали. В зеркале Кира выглядела точно так же, как вчера. Только теперь ложь знали двое.

* * *

Перед институтом Кира заняла на кухне разделочную доску, поставила на неё три кружки с водой до краёв и пошла по коридору.

Первую дверь прошла. Вторая открылась прямо перед ней — Андрей вышел с полотенцем на шее и замер.

— Это что?

— Поднос.

— Это доска.

— Сегодня поднос.

Андрей посторонился, прижавшись к стене, как в лифте с начальством. Кира прошла мимо. Вода качнулась, но не пролилась.

— Ещё раз, — сказала Люба из дверей своей комнаты. Она стояла с зубной щёткой во рту и смотрела с интересом. — Туда и обратно. Я ставлю оценки.

Кира прошла туда и обратно. На повороте одна кружка плеснула ей на рукав.

— Семь из десяти, — сказала Люба. — Минус балл за лицо. Ты несёшь воду, как будто её отравили.

— А как надо?

— Как будто её тебе не жалко.

Андрей, уже из душевой, крикнул:

— А чай кому-нибудь из этого будет?

Кира выпила одну кружку сама. Две оставила на подоконнике. К вечеру их не было.

* * *

На первой паре преподаватель сдержал обещание и устроил перекличку голосом.

— Абрамов.

— Здесь.

— Белоусова.

— Здесь.

Дошёл до фамилии с завитушкой.

С задних рядов отозвались басом:

— Здесь!

Преподаватель поднял голову.

— Интересно. Позавчера у этой фамилии был женский почерк. Сегодня мужской голос. Она очень разносторонний человек.

Аудитория легла на парты.

— Передайте ей, что на третий раз я начну подозревать, что её не существует.

Басом больше никто не отзывался. Вера поставила напротив фамилии в своей тетради маленький вопросительный знак — на всякий случай.

* * *

Маргарита поймала Киру между парами.

— Сегодня точно идём.

— У меня смена.

Маргарита остановилась.

— Какая смена?

— Пробная.

— Тебя взяли?

— Если сегодня не выгонят.

Маргарита обняла её.

— Это же первая работа в Москве!

— Пока первая попытка.

— Тем более вечером отметим.

— Я буду работать вечером.

— Но ты знала про день рождения.

— А Наталья не знала.

— Скажи ей, что не можешь.

— На первой смене?

— Один раз.

— Первая смена тоже один раз.

К ним подошёл Виталик.

— Что делим?

— Киру. Работа забирает.

— Работа обычно так и делает.

— Ты за кого?

— За человека, который потом купит нам всем кофе.

— С чего ты решил? — спросила Кира.

— Я верю в дружбу.

— В бесплатный кофе ты веришь.

— Дружба бывает разная.

Маргарита не засмеялась.

— Мы всё равно пойдём. Света идёт. Виталик идёт. Все идут.

— Иди.

— Без тебя?

— Ты уже ходишь без меня.

Маргарита замолчала. Кира пожалела о фразе сразу.

Виталик поднял руки.

— Я могу исчезнуть, если это семейное.

— Иди, — одновременно сказали обе.

— Вот теперь вижу настоящую дружбу.

Маргарита поправила сумку.

— Ладно. Работай.

— Потом расскажешь.

— Если будет что рассказывать.

Она ушла. Кира смотрела ей вслед, пока та не скрылась за поворотом.

На следующей паре Вера, не отрываясь от конспекта, сказала:

— Ты её обидела.

— Знаю.

— Хорошо, что знаешь.

— Это чем хорошо?

— Тем, что мне не надо говорить второй раз.

Вечером, уходя, Кира сняла со спинки Вериной кровати зонт. Вера подняла глаза от конспекта и ничего не сказала. Только кивнула — будто это было записано у неё заранее.

* * *

Фартук оказался Натальин и был Кире широк.

— Завяжи два раза, — сказала девушка за стойкой. — Я Оля.

Она показала кофемашину, холодильник, мойку, сиропы, салфетки, крышки. Кира старалась запомнить всё сразу. Через пять минут поняла, что не запомнила половину.

— Главное правило, — сказала Оля. — Никогда не говори гостю «не знаю».

— А если не знаю?

— Говоришь «сейчас уточню». Идёшь ко мне. Я тоже не знаю. Мы идём к Наталье. Она знает. Или делает вид. Гость счастлив.

— А если Наталья нет?

— Тогда говоришь «сейчас уточню» и уточняешь у кофемашины. Она тоже часто в курсе. Первый заказ она не испортила. Просто отдала не тому человеку.

Мужчина в сером пальто взял стакан, посмотрел на надпись и сказал:

— Я, конечно, выгляжу как Алёна, но не настолько.

Оля отвернулась. Плечи у неё дрожали.

Кира забрала стакан.

— Извините.

— Первый день?

— Так заметно?

— Только по лицу.

Через десять минут Кира перепутала крышки. Потом забыла ложку к десерту. Потом слишком резко поставила чашку на блюдце, и кофе плеснул на край.

Наталья молча протянула салфетку.

Старик с газетой пришёл в шесть и сел у окна.

— Как всегда.

Кира, не дожидаясь Натальи, поставила перед ним чай.

Старик посмотрел на чашку, потом на Киру.

— И эта туда же.

— Вам врач сказал, — ответила Кира.

— Вчера ещё не было этой. А уже знает про моего врача.

Наталья за стойкой не повернулась, но Кира видела, как у неё дёрнулся угол рта.

В затишье Оля показала, как рисовать на пенке. У неё из кувшинчика выплыло сердце — ровное, как на открытке. Кира наклонила свой кувшинчик точно так же. На пенке появилось что-то бурое с отростком.

— Это что? — спросила Оля.

— Сердце.

— Это почка.

— Анатомически тоже орган.

Оля подумала и отнесла почку старику с газетой. Старик посмотрел в чашку, потом на них.

— Мне чай.

— Это за счёт заведения, — сказала Оля. — Для вашего врача.

К семи Кира перестала чувствовать ноги. К восьми начала различать постоянных.

Девушка с ключами от машины, та, что вчера оставила торт, пришла снова.

— Мне как обычно.

Кира не знала, что у неё обычно. Оля подсказала из-за спины:

— Большой капучино на соевом.

Девушка посмотрела на витрину.

— И чизкейк.

Кира взяла щипцы.

— Нет, подождите. Не хочу.

Кира вернула кусок на место.

Вчера ей хотелось научиться вот так передумать и не считать. Сегодня она стояла по другую сторону витрины, со щипцами в руке, и чужая лёгкость стоила ей лишнего движения и лишнего слова «извините», которое она почему-то сказала, хотя передумала не она.

* * *

На перерыве Кира открыла телефон. Двенадцать сообщений. Фотографии.

На первой все стояли возле подъезда. На второй — уже в квартире. На третьей Маргарита сидела на подлокотнике кресла, Света — рядом с Сергеем, Виталик показывал в камеру два пальца.

В углу стоял незнакомый мужчина. Не студент. Старше. Белая рубашка, тёмный пиджак. Он смотрел не в камеру. На Маргариту.

Виталик написал:

«Твоя подруга уже нашла взрослую жизнь».

«Какую?»

«Пока не знаю».

И следом: «Тут торт с надписью „С днём рождения, Дима“. Именинника зовут Слава. Все едят и делают вид, что так и задумано».

Кира написала Маргарите: «Нормально всё?»

Ответ пришёл сразу: «Очень».

Потом фотография. Маргарита крупным планом. За плечом — тот мужчина.

«Это Марк».

«Кто?»

«Потом».

Оля заглянула через плечо.

— Красивый. Старый.

— Он не старый.

— Для нас — старый. Для неё — взрослый. Это одно и то же, только с разных сторон.

Кира убрала телефон в карман фартука и всё равно ещё раз его достала.

Кира усмехнулась. Ещё позавчера в Маргаритино «потом» помещалось всё неприятное. Теперь туда поместилось что-то хорошее.

— Перерыв закончился, — позвала Оля.

* * *

В девять пришёл поток. Кофейня заполнилась за несколько минут.

— Два капучино.

— Я просила без корицы.

— А где мой чай?

— Девушка, мы раньше пришли.

Кира перестала слышать отдельные голоса. Остались стаканы, крышки, салфетки, руки.

Она взяла поднос. Кто-то отодвинул стул. Поднос качнулся.

Кира поймала чашку ладонью. Горячий кофе плеснул на кисть.

— Девушка, вы в порядке?

— Да.

Кожа горела.

Оля увидела.

— Под воду.

— Там заказ.

— Я отнесу.

Кира сунула руку под холодную струю. Наталья подошла.

— Покажи.

На коже краснело длинное пятно.

— Пять минут держи.

— Там очередь.

— Кира.

Она оставила руку под водой. Через открытую дверь слышала, как Оля принимает её заказы. Хотелось выйти не потому, что она была нужна. Потому что не хотела, чтобы без неё справились.

— Кофейня не закроется за пять минут, — сказала Наталья. — Первый день нужен не для того, чтобы доказать, сколько ты можешь. А чтобы узнать, сколько пока не можешь.

— Очень обнадеживает.

Наталья улыбнулась.

— Уже лучше.

Оля налепила ей на кисть пластырь из аптечки — длинный, через всё пятно.

— Первый ожог — как первая отметка в зачётке, — сказала она. — Потом все одинаковые.

— А сколько их у тебя?

Оля показала обе руки. На них было белых полосок больше, чем Кира успела сосчитать. Через пять минут Кира вернулась. Поднос больше не качался.

* * *

Потом пошли вторые волны: девушки после спортзала, которым всё на обезжиренном, пара, которая заказала один кусок пирога и две вилки и десять минут спорила, кто ест середину, курьер, который взял американо и заснул над ним сидя, не сняв рюкзак. Кира разбудила его, когда кофе остыл. Он сказал «спасибо, мама», понял, что сказал, и ушёл красный.

К закрытию осталось четыре человека. Оля протирала кофемашину, Кира собирала чашки.

Под одним блюдцем лежали сложенные купюры. Она взяла их и понесла к кассе.

— Это тебе, — сказала Оля.

— За что?

— Чаевые.

Кира посмотрела на стол. Там сидел мужчина в сером пальто. Тот самый «Алёна».

Он поднял стакан.

— За прогресс.

Кира хотела сказать, что не надо. Не сказала. Положила деньги в карман фартука.

Немного. На пару дней обедов в столовой. Но первые, которые ей дали за работу в Москве. Чужой человек, которому она сначала отдала чужой заказ.

Наталья вытряхнула кассу на поднос и подвинула Кире.

— Пересчитай.

Кира посмотрела на неё.

— Я?

— Людмила сказала, считать ты умеешь лучше, чем носить. Проверим хоть одно.

Кира пересчитала. Потом второй раз — по номиналу, стопками, как дома мать считала зарплату на кухонном столе. Сошлось с чеками до последней монеты.

Наталья не стала проверять. Забрала поднос и убрала в сейф.

— Завтра придёшь? — спросила она.

Кира посмотрела на красную руку.

— Приду.

— Тогда приходи.

— И всё?

— А ты чего ждала? Торжественного приказа о зачислении?

Оля засмеялась.

У двери Наталья сказала:

— Людмиле позвони.

— Зачем?

— Скажи, что не зря соврала.

Кира посмотрела на неё.

— Я тоже когда-то первый раз устраивалась, — сказала Наталья. — У меня в трудовой первая запись — «уборщица». А на собеседовании я сказала «администратор».

* * *

У метро ещё работал маленький магазин косметики.

Кира прошла мимо. Остановилась. Вернулась.

Тушь, которой она пользовалась дома, стояла на нижней полке. Кира посмотрела на цену и автоматически перевела её в поездки, еду, дни.

Потом вспомнила деньги под блюдцем. Потом — строчку в тетради: «Рита — бери». И своё же «верну с первых денег» на подоконнике, над пустой кастрюлей.

Это была не зарплата. Всего чаевые. Можно было убрать их в тетрадь. Можно было ничего не покупать.

Кира стояла перед полкой дольше, чем выбирала вакансию.

— Подсказать? — спросила продавщица.

— Нет.

— Эта хорошая. Но вот эта, — продавщица показала на верхнюю полку, — лучше.

— А чем?

— Дороже.

Кира посмотрела на верхнюю полку, потом на нижнюю.

Кира положила тушь в корзинку. На кассе почти передумала. Не передумала.

Пакет оказался смешно маленьким.

Первая вещь в Москве, купленная не на мамины деньги и не из общих. На свои. Пусть пока только на чаевые.

Строчку «Рита — бери» она в тот вечер не открывала.

* * *

В метро телефон снова ожил.

Виталик прислал фотографию. Маргарита на лестнице рядом с Марком. Теперь его было видно лучше. Он что-то говорил ей, наклонившись близко. Маргарита смотрела снизу вверх.

«Кажется, Рита пропала».

«В смысле?»

«В хорошем. Наверное».

Следом: «Света тоже. Только у неё Сергей».

Кира набрала Маргариту. Та не ответила. Через минуту пришло: «Я потом».

Напротив сидела девушка в праздничном платье и держала туфли на коленях. Ноги в колготках поставила на свой же пакет, чтобы не на пол. Рядом спал парень, уронив голову ей на плечо, и она сидела очень прямо, чтобы не разбудить.

Кира посмотрела на свои ботинки. За день они прошли по кофейне больше, чем за неделю по институту.

Кира позвонила тётке Люде.

— Ну? — вместо приветствия спросила та.

— Взяли.

— Поднос уронила?

— Нет.

Кира посмотрела на красную кисть.

— Почти.

— Значит, научишься.

— Тётя Люд. Вы ей сказали, что администраторов у вас нет.

— А что, есть? Я тебе что, отдел кадров? Соврать за тебя — одно. Повышать тебя заочно — другое.

— Спасибо.

— Первую зарплату получишь — тогда спасибо скажешь. Сейчас ещё рано. И это. Маша ваша вчера заходила с подругами. Картошку одну на троих брали, как вы раньше. Про тебя спрашивала.

— И что вы сказали?

— Что работаешь в Москве. В кафе. Опытная. — Тётя Люда помолчала. — Видишь, теперь я и за тебя, и за себя вру. Расту.

Тётя Люда отключилась.

* * *

Когда Кира вышла из метро, было уже поздно. Телефон завибрировал.

Маргарита: «Я еду. Потом расскажу. Он классный».

Кира написала: «Кто?»

«Марк».

Следом пришла фотография из машины. Маргарита улыбалась, за окном тянулись мокрые огни.

Кира хотела написать: «Не знаешь ты его».

Не написала. Вместо этого: «Доедешь — напиши».

Маргарита поставила сердечко.

Рука ныла. Волосы пахли кофе. Маленький пакет с тушью Кира спрятала под куртку от дождя, а Верин зонт так и не раскрыла — забыла, что держит его в руке.

Возле входа курили двое старшекурсников.

— Новенькая, — сказал один. — Поздно.

— Работа.

Он кивнул так, будто этого было достаточно.

Внутри было шумнее обычного. Где-то наверху играла гитара. Кто-то бежал по лестнице. Из коридора донёлся женский голос:

— Я последний раз говорю: разошлись по комнатам.

Кира замедлила шаг. Потом услышала Свету:

— Мы никому не мешаем.

У вахты стояло несколько человек. Света — рядом с Сергеем, у подоконника, на котором темнела открытая бутылка. Маргарита — чуть в стороне, среди остальных, с телефоном в руке.

Кира сунула руку в карман, нащупала маленький пакет с тушью и пошла к ним.

Первая смена закончилась. Вечер — ещё нет.

Глава 5. Докладная

Взрослая жизнь начинается не со свободы, а с последствий.

Вахтёрша держала журнал так, как держат меню в ресторане, где уже всё решили заказать.

На лестнице, на безопасном расстоянии, собрались зрители: двое парней в трениках, девушка с полотенцем на голове, кто-то с пачкой лапши в руке, будто вышел за кипятком и забыл зачем. Никто не уходил. В общежитии бесплатных развлечений было немного.

— Я последний раз говорю: разошлись по комнатам.

Света стояла у подоконника рядом с Сергеем и улыбалась той улыбкой, которой улыбаются не потому, что смешно, а потому, что отступить при всех уже поздно.

— Мы никому не мешаем.

— Мне мешаете.

— Вы сами к нам подошли.

Сергей прислонился к стене. Он был старше остальных и поэтому выглядел спокойнее, будто всё происходящее его не касалось. Бутылка на подоконнике стояла ровно между ним и Светой, и было непонятно, чья она. Сергей, похоже, тоже это заметил.

Света оглянулась на него. Он усмехнулся.

Этого оказалось достаточно.

— Хотите — пишите докладную, — сказала Света.

Маргарита перестала смотреть в телефон.

Вахтёрша сняла очки, протёрла их краем кофты и надела обратно, будто хотела убедиться, что видит то, что видит.

— Фамилия.

— Вы серьёзно?

— Фамилия.

— Свет, пойдём, — тихо сказала Маргарита.

— Ты чего? Только что нормально всё было.

— Было.

Вахтёрша подняла ручку.

— Я жду.

Света назвала фамилию. Вахтёрша записала и перевела взгляд на Маргариту.

— Вы с ней?

Маргарита открыла рот. Кира сказала раньше:

— Она со мной.

Все повернулись. Вахтёрша узнала её.

— Каверина. Опять поздно?

— Я с работы.

— Я не про вас спрашиваю. — Вахтёрша посмотрела на Маргариту поверх очков. — А вы Мельник. Которая «первый раз». Я помню.

— Я сама отвечаю, — сказала Маргарита. Но уже тише.

Света смотрела на неё. В этом взгляде впервые было не «мы», а вопрос: ты со мной или нет?

Маргарита отвела глаза.

— Я ухожу.

Сергей наконец оттолкнулся от стены.

— Да ладно, чего раздули.

— А вы, молодой человек, на свой этаж. И быстро.

— Уже иду.

Он сказал это спокойно, почти весело. Бутылку оставил на подоконнике. Света посмотрела на него так, будто ждала продолжения. Продолжения не было.

— Серёж.

Он обернулся.

— Что?

— Ничего.

— Завтра увидимся.

Вахтёрша дописала ещё несколько строк и подвинула бутылку к себе, как вещдок.

— Всё? — спросила Света.

— Нет, — сказала вахтёрша. — Завтра будет всё.

* * *

На этаже никто сразу не разошёлся.

Люба сидела на подоконнике в коридоре, Наташа стояла в дверях комнаты. Из соседней мужской высунулся Андрей, увидел лица и исчез обратно, как черепаха.

— Что случилось? — спросила Наташа.

— Ничего, — сказала Света.

— По лицу видно.

— Докладную написала.

Наташа присвистнула. Люба спросила:

— За что?

— Ни за что.

— Это самая частая причина докладных, — сказала Люба.

Света вошла в комнату и хлопнула дверью. Маргарита осталась в коридоре.

— Ты чего полезла? — спросила она Киру.

— Куда?

— «Она со мной».

— А надо было сказать, что ты с бутылкой?

— Бутылка вообще не моя.

— Вот именно.

Маргарита посмотрела на дверь своей комнаты.

— Света теперь решит, что я её бросила.

— Ты её и бросила.

— Спасибо.

— А что надо было делать?

— Не знаю.

Это «не знаю» прозвучало впервые. Обычно Маргарита знала всё сразу.

Из комнаты донёсся голос Светы:

— Рит, ты заходишь или там жить будешь?

Маргарита поморщилась. Потом лицо у неё изменилось мгновенно, будто кто-то переключил канал.

— Завтра расскажу тебе про Марка.

Она скрылась за дверью.

Вера уже спала. Кира тихо открыла тумбочку и положила внутрь новую тушь. Пакет зашуршал. Вера повернулась на другой бок, и Кира замерла, как будто прятала не тушь, а что-то другое.

— Купила что-то? — сонно спросила Вера.

— Тушь.

— Хорошая?

— Не знаю. Утром посмотрю.

— А почему прячешь?

Кира не ответила. Вера, кажется, уже спала.

За стеной кто-то засмеялся. Потом стало тихо. Потом из коридора, от Маргаритиной двери, донеслось, как кто-то долго сморкается и говорит в подушку: «Ничего. Всё нормально». Голос был Светин.

Кира лежала и смотрела в потолок. На потолке над её кроватью было жёлтое пятно в форме сапога — кто-то когда-то залил верхний этаж. Вчера она его не заметила.

Она достала из-под подушки тетрадь и при свете телефона записала: «Чаемые». Потом рядом: «тушь». Строчку «Рита — бери» перелистывать не стала. Она и так знала, где она.

* * *

Утром Маргарита пришла раньше будильника. Села на край Кириной кровати и прошептала:

— Кир. Проснись. Я тебе главного не рассказала.

Вера на соседней кровати пошевелилась. Кира села.

— Пойдём на кухню.

На кухне было пусто, только чайник гудел у окна и на холодильнике висел вчерашний лист про синюю сковородку. Внизу кто-то дописал четвёртым почерком: «Нашлась. Спасибо всем, кроме Димы».

Маргарита села на табурет.

— Там был один.

— Тот, с фотографий?

— Ты увеличивала, да?

— Виталик прислал ещё одну. На лестнице.

— Виталик шпион. — Маргарита улыбнулась, и было видно, что это её совсем не злит.

— Марк.

Имя она произнесла отдельно, как будто положила на стол.

— Он не студент. Старше. Работает. Нормально работает, не вот это всё.

— Что «это всё»?

— Ну... — Маргарита махнула рукой в сторону общежития. — Просто взрослый.

Кира вспомнила Сергея у вахты. Тоже взрослый. Тоже старше.

— И?

Маргарита рассказывала не события, а историю. Как Марк не подошёл сразу. Как стоял у окна, пока все перекрикивали музыку, и говорил тихо. Как спросил не «откуда ты», а нравится ли ей Москва. Как они вышли на лестницу и он рассказывал про ночные автобусы, дворы, маленькие кафе и места, которых нет на открытках.

— Он сказал: Москва — это не Красная площадь. Москва — это двор, где тебя никто не знает, а ты там почему-то счастлив. Представляешь?

— Представляю. У нас таких дворов полгорода.

— Кир!

— Что? Нас там тоже никто не знает.

— И он меня поцеловал.

— Быстро.

— Почему быстро?

— Потому.

— Очень содержательно.

— Потом вызвал мне машину. Сам заплатил. Я ехала одна на заднем сиденье, как в кино. Водитель слушал радио про пробки, а я смотрела в окно и думала, что вот это и есть Москва. Не вокзал. Не общага. Вот это.

— Мокрые огни.
— Ты видела фото!
— Ты его прислала.
— А сам?
— Не поехал. Ему в другую сторону.
— Сколько ему?
— Не спрашивала. Он не похож на возраст. Он похож на человека, который знает, где тут ночью открыта пельменная.
— Это не возраст. Это опыт.
— Вот и хорошо.
— Номер взял?
Маргарита покачала головой.
— Сказал: «Я тебя найду».
— Как?
— Не знаю. Москва большая. — Маргарита сказала это так, будто как раз в этом и была вся прелесть.
— Если захочет — найдёт, — сказала Кира. И сама не поняла, хорошо это или плохо.
— Ну?
— Что?
— Красиво же.
— Посмотрим.
— У тебя всё «посмотрим». Хоть раз — «вау».
— Вау.
— Иди ты.
Обе засмеялись. Ненадолго.
— Кир. Ты правда думаешь, что со всеми обязательно что-то не так?
— Нет.
— Думаешь. Ты всё время проверяешь: сколько стоит, кто заплатил, зачем сказал. Как будто если всё посчитать, ничего плохого не случится.
— А если не считать — не случится?
— Зато хоть поживёшь.
— Я вчера жила.
— Ты работала.
Кира почувствовала, как внутри поднимается знакомая холодная злость.
— У меня дома был парень.
Маргарита перестала крутить ложку.
— Что?
— Мы были вместе почти два года. Он хороший. Работает с моим отцом. Всё уже знал заранее: где будем жить, что будем делать. Я поняла, что если останусь, вся жизнь уже готова. Только войди. И уехала.
— Ты его бросила из-за Москвы?
— Не из-за Москвы. Из-за себя.
— Он пишет?
— Иногда.
— А ты?
— Не отвечаю.
Маргарита долго молчала.
— Прости.
— За что?

— За «ты никогда никого».
— Ты этого ещё не сказала.
— Но подумала.

Кира впервые за утро улыбнулась.

Когда Маргарита ушла собираться, Кира открыла в телефоне переписку, которую не открывала с вокзала. Последнее сообщение от него было трёхдневное: «Доехала?» Ниже — ничего. Она набрала «да». Посмотрела. Стёрла. Положила телефон на подоконник экраном вниз, рядом с чужой кружкой, и пошла собираться на смену.

* * *

В субботу у Кире была дневная смена.

Пластырь на руке за ночь отклеился с одного края и топорщился. Оля, увидев, молча налепила поверх новый, крест-накрест.

— Теперь ты как посылка, — сказала она.

Кира отработала утро лучше, чем вечер накануне: перепутала только один сироп и ни разу — имя. Старик с газетой получил свой чай и сказал «спасибо» в газету, не поднимая глаз. Это, судя по лицу Оли, было почти признание в любви.

Около полудня вернулся вчерашний курьер. Положил на стойку шоколадку, сказал Кире «это вам», покраснел до ушей и ушёл, так и не заказав кофе.

— Это за «маму», — объяснила Оля. — Он теперь будет ходить к нам, пока не забудет, что ты его будила. Месяц минимум.

Кира убрала шоколадку в карман фартука. Попролам с Верой — решила сразу, не думая.

В три пришло сообщение от Маргариты:

«Нас к коменданту. В семь. Тебя тоже. Вахтёрша тебя вписала».

Кира перечитала. Смена была до восьми.

Она подошла к Наталье, которая разбирала поставку и считала стаканчики, шевеля губами.

— Мне надо уйти в шесть.

Наталья досчитала до конца столбика и только тогда подняла голову.

— Второй день работаешь. Уже уходишь раньше.

— Комендант вызывает.

— За что?

— За то, что я сказала «она со мной».

Наталья посмотрела на неё так же, как на собеседовании — чуть внимательнее, чем нужно.

— Иди. Но этот час ты мне должна. Не деньгами. Часом.

— Отработаю.

— Знаю. Я записала.

Кира вспомнила свою тетрадь и строчку «Рита — бери». Теперь кто-то записывал и её.

* * *

Света весь день повторяла, что ничего не будет.

На первой паре:

— Подумаешь, докладная.

В столовой:

— Сергей сказал, они каждый год такое пишут.

После занятий:

— Он вообще знает старосту этажа.

Днём она полчаса стояла у лестницы на пятый этаж, будто ждала лифта, которого в общении не было. Сергей не спустился. Наташа, проходя мимо с тазом белья, сказала:

— Свет, он сверху не упадёт. Он не яблоко.

Света отошла от лестницы, как будто стояла там случайно.

Вечером она красила ресницы перед маленьким зеркалом.

— Сергей придёт? — спросила Наташа.

— Конечно.

— Куда?

— К коменданту. Разобраться.

Люба подняла глаза от конспекта.

— А он коменданту кто?

Света резко закрыла тушь.

— Люба, тебя никто не спрашивал.

— Тогда не рассказывай на всю комнату.

В дверь постучали. На пороге стояла дежурная.

— Светлана. К коменданту. Сейчас. И Мельник. И Каверину из того конца коридора позовите.

Света быстро посмотрела на телефон. Экран был тёмный.

* * *

В коридоре перед кабинетом коменданта на стуле сидел парень с электроплиткой на коленях. Плитку он держал бережно, как кота.

— Тоже вызвали? — спросил он у Киры.

— Тоже.

— За что?

— Пока не знаю.

— А я знаю. — Он погладил плитку. — Это не плитка. Это обогреватель для учебников. Я уже третий раз объясняю. Он не верит.

Дверь открылась.

— Плиткин! — сказал комендант. — Заходите вместе с вашим обогревателем. Девушки — следом.

Парень встал и пошёл, прижимая плитку к груди. Фамилия у него, как выяснилось, была совсем другая.

Через пять минут он вышел без плитки и с лицом человека, который похоронил друга.

* * *

Комендант не кричал. Это оказалось хуже.

Над его столом висел лист «Изъято за сентябрь». Кипятильник — четыре. Плитка — две, теперь три. Утюг — один, чужой. Хомяк — один, возвращён владельцу под расписку. Кира прочитала про хомяка и поняла, что вахтёрша с журналом — это ещё мягкий вариант этого здания.

На столе лежала докладная и бутылка. Света сидела напротив. Маргариту вызвали как участницу вечера. Киру — потому что её фамилия появилась в журнале после фразы «она со мной».

— Начнём сначала. Спиртное на этаже было?

Света молчала.

— Было, — сказала Маргарита.

Света повернулась к ней.

— Что?

— Было.

— Оно не наше.

— Я не сказал «ваше». Я спросил: было?

— Было, — повторила Маргарита.

Комендант посмотрел на Свету.

— Требование вахтёрши разойтись выполнили?

Света скрестила руки.

— Мы ушли.

— После чего?

— После разговора.

— После записи в журнал. И фраза «хотите — пишите докладную» ваша?

— Может быть.

— Хорошо. Вот и написали.

Он отложил бумагу.

— Первое официальное предупреждение. Ещё одна такая история — будете искать другое место проживания.

У Маргариты изменилось лицо. Кира это заметила. Света — нет.

— И ещё, — продолжил комендант. — Вы первый курс. То, что старшие студенты знают, где можно шуметь, не означает, что они потом будут отвечать за вас.

Света подняла голову.

— Сергей вообще тут ни при чём.

— Я Сергея не называл.

Стало тихо. Света покраснела.

Комендант перевёл взгляд на Киру.

— Где работаете?

— В кофейне. На Соколе.

— Вечерние смены?

— Да.

— Справку с работы принесите. С печатью и телефоном. Будете возвращаться позже — впишу в журнал, и вахта не будет вас каждый раз встречать, как родную. Без справки — до одиннадцати.

Кира кивнула. Печати у Натальи могло и не быть. Телефон — был.

— А вы, Каверина, когда в следующий раз захотите кого-то спасти, сначала спросите, хочет ли он спастись. И пока справки нет — возвращайтесь до одиннадцати. У нас тут не Москва.

— А что тут?

— Общежитие. Свободны.

Света вышла первой, не дожидаясь их. Маргарита у двери обернулась.

— А нам что-нибудь будет?

— Вам — нет. Вам будет хуже: вы теперь всё знаете. — Комендант надел очки. — Мельник, если ещё раз вас увижу у вахты после одиннадцати, я не посмотрю, что вы первый раз. Это у вас уже второй.

В коридоре Света сразу достала телефон. Ни пропущенных. Ни сообщений.

— Ну вот. Я же говорила, ничего.

Никто не ответил. Света ушла вперёд, быстро, не оглядываясь.

Маргарита и Кира поднимались по лестнице медленно, будто каждая ступенька была отдельным разговором.

— Ты из-за меня ушла с работы раньше? — спросила Маргарита.

— Из-за коменданта.

— Он тебя вызвал из-за меня.

— Он вызвал меня из-за меня. Я сама сказала.

— Тебе за этот час что-нибудь будет?

— Буду должна.

Маргарита остановилась на площадке.

— Кир. Ты вообще бываешь кому-нибудь не должна?

— Тебе.

— Мне ты как раз должна. Ты сама записала.

— Тебе — по-другому.

Маргарита хмыкнула и обогнала её на две ступеньки. Сверху уже было слышно гитару.

* * *

Вечером в комнате Маргариты снова собирались люди. Жизнь общежития оказалась сильнее докладной.

Кто-то принёс гитару. Андрей пришёл за кружкой, которую, по его словам, у них «случайно забрали».

— Мы у вас ничего не забирали, — сказала Наташа.

— Она наша.

— Докажи.

— На ней написано «Андрей».

Наташа повернула кружку. На дне действительно было выцарапано имя.

— Совпадение.

— Я её в первый же день подписал, — сказал Андрей. — Гвоздём. Мне на вокзале мужик сказал: в общаге всё, что не подписано, — общее. А всё, что подписано, — тоже общее, но хотя бы стыдно.

Даже Света засмеялась. На несколько минут всё стало как раньше.

Потом открылась дверь. Сергей.

Света встала слишком быстро.

— Ты где был?

— На парах.

— Я тебе писала.

— Видел.

— И?

Сергей посмотрел на остальных.

— Что «и»?

Комната стала очень тихой. Света первой поняла, что этот разговор происходит при всех.

— Ничего.

— Ну и хорошо.

Он подошёл к окну, поздоровался с парнями, взял у кого-то гитару, будто никакой докладной не существовало. Спел что-то про дождь, сбился, засмеялся, и парни засмеялись вместе с ним. На Свету он ни разу не посмотрел. Не нарочно — просто не вспомнил, что надо. Света осталась возле кровати. Маргарита смотрела на неё. Кира — на Маргариту.

— Кто чай будет? — громко спросила Наташа.

И жизнь снова задвигалась.

Люба, проходя мимо Киры за кипятком, сказала совсем тихо, только ей:

— Пятикурсники — как поезд. Красиво проходят мимо платформы. Главное — не стоять за жёлтой линией.

— А Света стоит?

— Света уже на рельсах. Только ещё не знает.

— А ты откуда знаешь?

Люба налила кипяток и посмотрела на Киру поверх очков.

— Я тоже стояла. В десятом классе. Потом слезла. Неприятно, но полезно.

* * *

Кира ушла к себе раньше остальных.

— Что было? — спросила Вера.

— Предупреждение.

— Свете?

— Да.

— А вам?

— Совет. Возвращаться до одиннадцати и никого не спасать.

Вера подумала.

— Второе у тебя не получится.

Кира достала тетрадь, но писать не стала. Телефон завибрировал. Виталик.

«Ты не спишь?»

«Я про вчера кое-что вспомнил».

«Что?»

Ответ пришёл не сразу.

«Тот Марк. Он про Риту спрашивал ещё до того, как подошёл. У Сёмки, с экономического. Откуда она. С кем живёт. Есть ли парень».

Кира перечитала. Пальцы стали холодными, хотя в комнате было так душно, что Вера читала в одной футболке.

«Рите говорил?»

«Нет».

Потом:

«А ты бы сказала?»

Кира не ответила.

Из коридора донёсся быстрый стук. Маргарита вошла без приглашения, в руке телефон, лицо сияло.

— Кир.

Кира погасила экран своего телефона.

— Что?

Маргарита протянула ей свой. Сообщение с незнакомого номера:

«Нашёл же. Я обещал».

— Это он, — сказала Маргарита. — Марк.

Она забрала телефон обратно и уже набирала ответ, стирала, набирала снова.

— Что ему написать? Только не говори «посмотрим». Скажи что-нибудь нормальное.

Палец замер над экраном. Маргарита ждала.

Кира посмотрела на сообщение. Потом на Маргариту. Потом на свой погасший телефон, где остались слова Виталика.

За стеной кто-то взял первый аккорд.

Маргарита улыбалась.

Кира ничего не сказала.

Глава 6. Первый секрет

Иногда о человеке узнаешь самое важное не тогда, когда он рассказывает, а когда просит никому не говорить.

Люба попросила Наташу разбудить её в половине шестого.

Наташа сначала решила, что ослышалась.

— Тебя?

— Меня.

— В половине шестого?

— Да.

— Утром?

Люба подняла глаза от конспекта.

— Нет, Наташ. Вечером. Специально лягу спать в пять сорок.

Маргарита засмеялась. Даже Света улыбнулась — впервые за три дня.

После докладной комната постепенно возвращалась к обычному состоянию. Дверь снова почти не закрывалась. Чайник снова уходил к соседям. Андрей дважды приходил за своей кружкой и оба раза уходил без неё.

Только Света теперь возвращалась до десяти, как по звонку, и каждый раз, проходя мимо вахты, здоровалась первой. Вахтёрша кивала ей так, будто записывала и это. Сергей появлялся реже. Света делала вид, что не замечает, и проверяла телефон чаще, чем раньше.

И только Люба последние два дня почти не участвовала в разговорах.

— А куда тебе? — спросила Наташа.

— Надо.

— На первую электричку?

— Наташ.

— Всё, молчу.

— И телефон свой дай утром. У меня денег на счёте нет.

Наташа перестала улыбаться.

— Люб, что случилось?

— Потом скажу.

Маргарита подняла голову от телефона.

— Тебя проводить?

— Нет.

Слишком быстро. В комнате стало тише.

Люба взяла полотенце и вышла в душ.

— Что это было? — спросила Наташа.

Света пожала плечами.

— Может, домой что.

Маргарита снова посмотрела в телефон. На экране светилось сообщение Марка. Он писал теперь каждый день — коротко, без смайликов, всегда немного неожиданно. «Ты видела, какая сегодня луна над Останкино? Нет? Зря».

— Опять он? — спросила Света, не поднимая глаз от ногтей.

— Он.

— Что пишет?

— Про луну.

— Сергей мне про луну не писал, — сказала Света. — Он вообще не пишет. Он приходит. — Она подула на ноготь. — Или не приходит.

Наташа ничего не ответила. Она смотрела на дверь.

* * *

Будильник зазвонил в пять двадцать пять. Наташа проснулась первой. Люба уже сидела на кровати одетая.

— Ты вообще спала?

— Немного.

Люба посмотрела на спящих Маргариту и Свету.

— Пойдём на кухню.

На кухне горела одна лампа. За окном было темно. Холодильник гудел так, будто тоже не выспался.

Наташа села.

— Говори.

Люба осталась стоять.

— Я беременна.

Наташа не сразу поняла.

— Что?

— Тихо.

— Я тихо.

Она действительно сказала это шёпотом.

— Ты уверена?

— Три теста.

— А кто?

Люба посмотрела в окно.

— Не знаю. Был один летом. Потом здесь один. По сроку может быть и так, и так.

— Они знают?

— Нет.

Наташа помолчала.

— Я сегодня иду, — сказала Люба.

— Куда?

Люба посмотрела на неё. Наташа поняла.

— Одна?

— Собиралась.

— Нет.

— Наташ.

— Нет.

— Я не просила.

— А телефон зачем?

— Если что.

— Вот именно.

Люба натянула рукава на ладони.

— Мне не надо, чтобы все знали.

— Все не узнают.

— Рита разболтает.

— Не разболтает.

— Света скажет Сергею.

— Сергей сейчас и Свету не слушает. — Наташа помолчала. — Но им пока не скажем.

Люба впервые посмотрела прямо на неё.

— Ты пойдёшь?

— Да.

— У тебя пары.
— Один день институт переживёт.
— А если не переживёт?
— Тогда мы выбрали очень слабый институт.
Люба коротко улыбнулась. И сразу перестала.
* * *

Маргарита проснулась, когда Наташа искала второй носок.

— Вы куда?
— По делам.
— В шесть утра?
— Москва большая.
Люба стояла у двери.
— Люб, всё нормально?
— Да.

Наташа нашла носок — под Любиной кроватью, вместе с давно потерянной ложкой.

— Спи.
— Я не сплю.
— Тогда лежи.
Они ушли.
Света повернулась к стене.
— Они вчера странные были.
— Угу.
— Спросишь?
— Наташа сама скажет, если надо.

Света открыла глаза.
— Это ты сейчас сказала?
— А что?
— Ничего. Раньше ты бы уже бежала за ними в тапках.

Маргарита взяла телефон. От Марка было сообщение, отправленное в два семнадцать:
«Доброе утро заранее».

Она улыбнулась. Потом снова посмотрела на пустую Любину кровать.
* * *

Кира узнала, что Наташи и Любы нет, уже в институте.
— Они с утра куда-то уехали, — сказала Маргарита. — Наташа пары пропустила.
— Значит, важные дела.
— Ты вообще любопытной не бываешь?
— Бываю. Жду, пока расскажут.
— Врёшь.
— Конечно.

Подошёл Виталик.
— Что случилось?
— Ничего, — одновременно сказали обе.
— Я уже боюсь этого слова.

Маргарита засмеялась. Потом сказала слишком спокойно:
— Марк вечером заедет. К институту. За мной.

Кира посмотрела на неё. Сообщение Виталика про Сёмку лежало у неё в телефоне третий день. Каждое утро она открывала его, перечитывала и закрывала, будто проверяла, не исчезло ли оно само.

— Что? — спросила Маргарита.

— Ничего.

— У тебя лицо.

— Какое?

— Кирино.

Виталик кивнул.

— Подтверждаю. Очень специфическое лицо.

Он посмотрел на Киру чуть дольше, чем нужно. Кира отвернулась первой.

Прозвенел звонок. Маргарита ушла.

— Ты ей сказала? — тихо спросил Виталик.

— Нет.

— Почему?

— Потому что она сегодня счастливая. А ты мне написал «спрашивал». Не «врал». Не «женат». Спрашивал.

— Это ты сейчас его защищаешь или себя?

Кира не ответила. Виталик пожал плечами и пошёл в аудиторию первым. У двери обернулся.

— Если что — я ничего не писал. Мне ещё с ней на одном потоке пять лет.

— Это ты сейчас её защищаешь или себя?

— Себя, конечно, — сказал Виталик. — Я хотя бы честный.

* * *

После пар Кира отсидела час в читальном зале — учебники им всё-таки выдали — и около пяти вышла через главный вход — к метро так было ближе к Соколу.

У ограды стоял мужчина в тёмном пальто, с двумя стаканами кофе в картонной подставке. Кира узнала его раньше, чем поняла, откуда: фотографии, лестница, мокрые огни. Вживую он оказался ниже, чем на снимках, и проще. Без пиджака. Шарф намотан как попало.

Он смотрел на двери и ни разу — в телефон.

Кира прошла мимо в трёх шагах. Он скользнул по ней взглядом и не задержался. Её он не знал. Или делал вид.

Она оглянулась уже у перехода. Марк читал что-то на экране. Потом вынул из подставки один стакан, подержал и аккуратно, не расплескав, поставил на край урны, крышкой вверх, как оставляют для кого-нибудь. Второй забрал с собой.

Кира перешла дорогу и не стала оглядываться второй раз.

* * *

Наташа и Люба вернулись после четырёх.

Маргарита была в комнате одна и красилась перед встречей с Марком. Света ушла к Сергею — сказала «на минутку» и забрала с собой зеркало.

Наташа вошла первой.

— Ну наконец. Вы где...

Маргарита замолчала.

Люба стояла в дверях бледная, с серым лицом. Сняла куртку. Не повесила. Куртка упала на кровать.

Наташа поставила на стол аптечный пакет.

— Ты заболела? — спросила Маргарита.

— Рит, — сказала Наташа. — Не надо сейчас.

— Я просто спросила.

— Не надо.

Маргарита встала.

— Воды?

Люба кивнула. Маргарита налила из чайника, разбавила холодной и подала кружку. Люба держала её обеими руками.

Телефон Маргариты завибрировал. Марк: «Я у входа. Не торопись. Я умею ждать».

Она погасила экран.

— Я никуда не пойду.

Люба подняла глаза.

— Куда?

— Неважно.

— Иди.

— Я сказала, не пойду.

— Рит, иди.

— Нет.

Люба прижала ладонь к животу. Наташа сразу подошла.

— Сильно?

— Нет.

— Ложись.

Маргарита стояла возле кровати. Потом взяла телефон и написала одно слово: «Не сегодня». Подумала. Дописала: «Прости». Подумала ещё. Стёрла «прости».

Ответ пришёл через минуту: «Тогда завтра. Я же сказал — умею».

Маргарита положила телефон экраном вниз и больше не брала.

* * *

Вечером в кофейне Кира попросила у Натальи справку для коменданта.

— С печатью? — Наталья полезла в ящик под кассой. — У меня из печатей только одна.

Она достала круглый штамп для карточек постоянных гостей — с чашкой и словом «Спасибо!».

— Это не печать, — сказала Кира.

— Это лучшая печать в Москве. Ею никто никогда ничего плохого не заверял.

Наталья написала от руки: «Дана Кавериной К. в том, что она работает у нас и возвращается поздно не по своей вине». Расписалась. Подышала на штамп и поставила чашку со «Спасибо!» прямо под подписью.

Оля заглянула через плечо.

— Если комендант не примет, мы ему кофе отнесём. С этой же печатью.

Кира сложила справку вчетверо и убрала в паспорт.

Вернулась она около девяти. Вахтёрша прочитала справку дважды, сначала текст, потом печать. На печати задержалась.

— «Спасибо», — прочитала она вслух.

— Это кофейня.

— Вижу, что не прокуратура. — Вахтёрша открыла журнал и что-то вписала. — Ладно, Каверина. Вписала. Но если я узнаю, что у вас там не кофейня...

— А что?

— Тогда приходите и рассказывайте. Мне тут скучно.

В комнате Маргариты не играла музыка. Дверь была прикрыта.

Наташа открыла сразу.

— Тихо.

Внутри горела только настольная лампа. Люба спала лицом к стене. Света сидела на подоконнике, вернувшись раньше, чем «на минутку» обычно заканчивалась. Маргарита — на полу у своей кровати.

Наташа вышла с Кирой в коридор и прикрыла дверь.

— Люба беременна была.

Кира не сразу поняла последнее слово.

— Была?

— Сегодня сделали.

Кира посмотрела на дверь.

— Ты с ней ездила?

— Да.

— Кто отец?

Наташа устало потёрла лицо.

— Она не знает точно.

Из соседней комнаты кто-то засмеялся. Потом включили музыку. Наташа дёрнулась на звук.

— Они там вообще когда-нибудь затыкаются?

— Нет.

— Хорошо им.

— Ты ела? — спросила Кира.

Наташа задумалась.

— Не помню.

— Пойдём на кухню.

— Я не хочу.

— Я тоже много чего не хочу.

— Это ты сейчас заботишься?

— Не привыкай.

На кухне Кира нашла хлеб, два яйца и чью-то сковородку.

— Чья?

— Наверное, Андрея.

— Значит, наша.

Наташа улыбнулась.

Пока жарились яйца, она рассказала, сколько стоили врачи, — Кира не спросила, Наташа сама сказала, — и что Люба полгода откладывала на зимние сапоги. Сапог теперь не будет. Будут старые, с треснувшей подошвой, которые Люба заклеила ещё в августе.

Кира перевернула яйца. Своя тушь, лежавшая в тумбочке, вдруг показалась ей очень громкой вещью.

— Соль есть? — спросила Наташа.

— Нет.

— Тогда так.

Они ели прямо со сковородки, двумя вилками, стоя у окна. Наташа ела быстро, как на вокзале.

— Она в клинике держала меня за руку, — сказала Наташа. — Не я её. Она меня. Я там вообще ничего не умела. Только сидеть.

— Этого было достаточно.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Но ты же сидела.

* * *

На следующий день Люба не пошла на пары.

Маргарита сидела рядом и рассказывала глупость про Виталика, который перепутал преподавателей и десять минут доказывал чужому семинаристу, что уже сдавал ему работу. Семинарист в конце сказал: «Молодой человек, я вам верю. Но вы мне ничего не сдавали, потому что я вас впервые вижу. Сдайте теперь».

Люба слушала. Иногда улыбалась. Никто не говорил о вчерашнем.

Света принесла из столовой сладкий чай.

— Я не просила, — сказала Люба.

— Знаю.

Поставила на тумбочку. Задержалась у двери.

— Люб. Я Сергею ничего не скажу.

— Я и не думала.

— Думала. — Света поправила волосы. — Он бы всё равно не услышал. Он сейчас никого не слышит.

И ушла, пока никто не успел ответить.

Через час пришла Кира. Принесла йогурт и бананы.

— У нас теперь санаторий? — спросила Люба.

— Нет. В санатории кормят по расписанию.

— А здесь?

— Здесь что нашли.

Телефон Маргариты лежал экраном вниз.

— Марк не пишет? — спросила Кира.

— Пишет.

— И?

— Потом.

— Не начинай, — сказала Маргарита, хотя Кира ничего не начинала.

Люба открыла глаза.

— Господи, хоть вы не ругайтесь. У меня голова болит.

— Вот видишь, — сказала Маргарита Кире. — Ты виновата.

— Конечно.

Люба засмеялась. Тихо. Но засмеялась.

* * *

На следующий вечер в коридоре снова появилась гитара.

Мимо двери пробежал Андрей.

— Девчонки, открывашка есть?

Наташа посмотрела на него.

— Андрей. Ты неделю назад спрашивал.

— И?

— Ты так и не купил?

— Я надеялся на общество.

— Общество на тебя не надеется.

Он заглянул в комнату.

— Люб, живая?

Наташа резко повернулась. Андрей замер.

Люба лежала с книгой.

— Пока да.

— Отлично. Тогда открывашка?

Люба показала на верхний ящик.

— У нас есть открывашка? — Наташа даже привстала.

— Всегда была.

— Ты молчала?

— Никто не спрашивал нормально.

Андрей достал её.

— Я тебя уважаю.

— Верни.

— Конечно.

Наташа и Люба одновременно сказали:

— Тогда не дам.

Секунду было тихо. Потом обе рассмеялись. Андрей ничего не понял и ушёл с открытой вешалкой.

Маргарита вернулась от Марка ближе к десяти. Сняла туфли в коридоре и вошла босиком.

— Я больше никогда не надену это.

— Завтра наденешь, — сказала Света.

— Завтра я другой человек.

— Ты каждый вечер другой человек.

Маргарита бросила туфли под кровать.

— Люб, как ты?

— Нормально.

— Правда?

Люба помолчала.

— Нет. Но уже лучше.

Из соседней комнаты крикнули:

— Девчонки! Идите сюда! Концерт!

Маргарита уже встала. Потом посмотрела на Любу.

— Я останусь.

— Иди.

— Точно?

— Рит. Если ты ещё два дня будешь сидеть возле меня с таким лицом, я сама тебя туда отнесу.

— С каким лицом?

— Как будто это ты аборт сделала.

В комнате стало совершенно тихо. Слово прозвучало впервые. Не «врач». Не «вчера». Не «это».

Люба положила книгу на колени.

— Всё. Сказала. Теперь можно не ходить вокруг.

— Ты уверена, что... — тихо начала Маргарита.

— Уже поздно спрашивать, уверена ли я.

— Я не это хотела.

— Знаю. Идите на концерт.

Никто не двинулся.

— Серьёзно. Идите.

— Я останусь, — сказала Наташа.

— Ты и так со мной везде ходишь.

— Вот ещё. Не мечтай.

Маргарита задержалась у двери.

— Люб. Я никому.

— Я знаю.

* * *

В соседней комнате сидело человек пятнадцать. Виталик подвинулся, освобождая Маргарите место.

— Где Кира?

— Работает.

— Она скоро станет единственным взрослым человеком среди нас.

— Не говори ей. Понравится.

— А ты почему одна? — спросил Виталик тише. — Наташа где? Люба?

— Устали.

— Обе сразу?

— Это общежитие, Виталик. Тут всё заразное.

Он посмотрел на неё, кивнул и больше не спрашивал.

Гитарист начал песню сначала, потому что на втором куплете все сбились. Кто-то спорил, какие там слова. Кто-то принёс хлеб и банку шпрот, и банку открыли Любиной открывашкой, которую Андрей бережно, двумя пальцами, передал по кругу и потом забрал обратно.

Света села у окна. Сергей был здесь. Он кивнул ей. Света кивнула в ответ. И не пересела ближе.

Маргарита заметила. Ничего не сказала. Потом подвинулась ближе к Свете — просто так, плечом к плечу.

— Если меня выселят, — сказала Света очень тихо, не поворачиваясь, — он меня к себе не позовёт.

— Тебя не выселят.

— Он даже не спросил, что сказал комендант.

Маргарита не нашла, что ответить. Света сама поправила волосы, как будто кто-то её фотографировал, и стала подпевать.

Андрей вернулся с Любиной открывашкой и положил её перед Наташей, которая всё-таки пришла через десять минут.

— Передай начальству.

— Сам отдай.

— Она спит.

— Тогда завтра.

Кира пришла поздно, с чаевыми, которые позвякивали в кармане, и села рядом с Маргаритой.

— Люба где?

Маргарита на секунду перестала улыбаться.

— Спит.

Кира посмотрела на Наташу. Та едва заметно кивнула. Этого хватило.

— Представляешь, — сказала Маргарита, наклонившись к ней, — он в тот день, когда я не вышла, мне кофе принёс. И оставил у входа. Говорит, там у урны кот сидел, кот и выпил. Врёт, конечно. Коты кофе не пьют.

— Не пьют, — согласилась Кира.

— Но красиво врёт.

— Красиво.

Маргарита засмеялась и снова уткнулась в телефон. Кира смотрела на гитариста и видела урну, крышку вверх, и как аккуратно, не расплескав, он её поставил.

Телефон Маргариты то и дело загорался — Марк писал ей даже сейчас. Каждый раз она улыбалась экрану, и каждый раз Кира видела, как эта улыбка гаснет, когда Маргарита смотрит на дверь, за которой спит Люба.

Кира могла бы сейчас наклониться и сказать: «Он спрашивал про тебя у Сёмки ещё до того, как подошёл».

Она не наклонилась.

* * *

Когда Кира вернулась к себе, Вера ещё не спала. Сидела на кровати по-турецки, с учебником на коленях, и не переворачивала страницу.

— У вас что-то случилось? — спросила она.

— Не у нас.

Вера подумала.

— Тогда не спрашиваю.

— Спасибо.

— Это не тебе. Это тому, у кого случилось.

Она перевернула наконец страницу и выключила лампу.

* * *

Утром Люба сидела на кухне одна. Перед ней стоял чай.

Кира вошла за кружкой и остановилась.

— Как ты?

— Нормально. — Люба посмотрела на неё. — Наташа сказала?

— Да.

— Маргарита знает?

— Да.

— Света?

— Тоже.

— Быстро.

— Они никому не скажут.

— Откуда ты знаешь?

Кира вспомнила, как сама просила тётю Люду соврать ради неё.

— Не знаю.

Люба усмехнулась.

— Честно.

Некоторое время они молчали. Люба покрутила ногой в старом сапоге с заклеенной подошвой — она так и пришла на кухню, в сапогах на босу ногу.

— Сапоги, говорят, ещё одну зиму выдержат, — сказала она. — Наташа говорит. Она в сапогах разбирается, как я в мужиках. То есть никак.

— Я правда не знаю, от кого, — сказала Люба.

Кира не спросила имён.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Что мне не надо знать.

Из коридора донёсся голос Наташи:

— Кто взял мою кружку?

— Андрей! — крикнула Люба.

— Я его убью!

Кира взяла чайник. Люба вдруг сказала:

— Кир. Спасибо, что не спрашиваешь.

Кира налила воду.

— Не привыкай.

Люба улыбнулась в чай.

Телефон в Кирином кармане коротко дрогнул. Виталик, в половине восьмого утра, когда он обычно ещё спал:

«Я спросил у Сёмки ещё раз. Подробно. Тебе прислать или ты опять будешь беречь её счастье?»

Кира поставила чайник на плиту и не включила.

Глава 7. Своя цена

До первого шага все уверены, что никогда его не сделают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.